

К 948641

ОС

Александр Грязев

Подобру
да
поздорову

Александр Грязев

Подобру да поздорову

ПОВЕСТЬ
РАССКАЗЫ
ЗАРИСОВКИ

К948641

Северо-Западное книжное издательство

Архангельск

1981

ВОЛОГОДСКАЯ
область на С би оека
им. И. В. Бабушкина

P2
Г92

Грязев А. А.

Г92   Подобру да поздорову: Повесть. Рассказы. Зарисовки.— Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1981.— 111 с., портр.

О людях современной Вологодчины, городской и деревенской, их взаимоотношениях, судьбах говорится в этой книге. Главные герои повести «Подобру да поздорову» — рабочие-металлурги.

Этот сборник — первая книга молодого прозаика из Вологды.

Г 0732 — 014
М157(03) — 81

4-14-81

P2
ББК84Р7

ПОДОБРУ ДА ПОЗДОРОВУ

Повесть

I

На трамвайной остановке Сергей был в половине шестого утра.

По правде сказать, он не любил утренние смены. Вставать приходилось в пять часов, когда все добрые люди еще спят. К шести надо быть в душевой, переодеться и до начала работы принять смену у ребят из ночной бригады.

Подошел трамвай. Сергей поднялся во второй вагон и сел у окна поближе к выходу. Вагон был почти пуст. Только на передней площадке стояли двое мужчин с рюкзаками.

«На рыбалку. Значит, у них выходной», — подумал Сергей, заметив приставленные к стене вагона удилища. Не причисляя себя к племени рыболовов, он смотрел сейчас на них с завистью.

Трамвай с лязганьем тронулся с места, грохоча и покачиваясь, покатил по проспекту в сторону завода. На работу, особенно по утрам, Сергей всегда добирался на трамвае. Он хоть и шел медленно, да еще делал крюк, заворачивая к вокзалу, зато здесь было свободнее, чем в автобусе, и народ заполнял вагоны только на ближних к заводу остановках. Так было и год и пять лет назад и стало до того привычным, что Сергей сейчас мог себе представить весь этот путь на завод и всю сегодняшнюю смену.

...Трамвай подвезет его к самой проходной. Боец охраны — обычно это пенсионерка в гимнастерке — проверит пропуск и при этом внимательно, будто хочет уличить тебя в чем-то нехорошем, глянет в глаза. Говорят, что так они проверяют на трезвость.

В бытовке родного прокатного стана — она совсем рядом с проходной,— где среди прочих стоит и его шкаф-раздевалка под номером триста четыре, кто-то наверняка будет уже переодеваться. Здесь, в душевой, можно услышать все последние известия и первые новости, особенно после выходного дня. Говорят о рыбалке, о поездке на дачу, да мало ли еще о чем... Если в это время в бытовке окажутся оператор с печного участка Колька Ильин и его коллега Иван Андреевич Галухин, то Сергей станет свидетелем их спора. Андреич вдвое старше Кольки и годится ему в отцы, но спорят и ставят шпильки один другому по любому поводу. Оба заядлые болельщики и сегодня наверняка будут спорить о футболе. Оба «болеют» за московские команды: Андреич за «Спартак», а Колька за «Торпедо». Почему так — никто толком не знает, а они объяснить не могут. Сходятся Андреич и Колька только в одном: не любят футболистов заводского «Металлурга», хотя и выступающего в какой-то зоне какого-то класса. Для Кольки и Андреича все они «костоломы», «сачки», «дармоеды» и вообще «паразиты общества».

Из душевой Сергей пойдет на свое рабочее место — на нагревательную печь стана, при которой состоит старшим сварщиком. Узнает, как работала ночная смена, глянет на металл в печи, спросит, какие плавки стали предстоит катать его второй бригаде. Потом в красном уголке стана он обо всем этом расскажет на сменно-встречном собрании бригады, когда о готовности к работе докладывают все старшие участков. Так заведено.

Мастер смены Михаил Егорович Телегин доложит бригаде о том, как сработали в прошлую, перед выходным, смену, поругает нерадивых, посоветует, с кого брать пример в работе, прочитает задание на прокатку проволоки в сегодняшнюю смену, и все разойдутся по своим местам. По пути к себе на участок Сергей задержится на переходном мостице у печи и посмотрит, как медленно выходит из окна выдачи раскаленный, почти белый, пятисоткилограммовый «карандаш» заготовки, как обжимают его валки первой клети и передают следующей. А там, дальше, пройдя через все группы клетей, заготовка уложится с помощью моталки светлой тонкой струйкой в огромный проволочный бунт...

— Вторая проходная,— сонным голосом проговорил трамвайный динамик, и Сергей стал прятываться к выходу. В проходной все было так, как он себе представлял. Вахтер, старушка, глянула сперва в проход, потом бесцеремонно посмотрела в глаза, как смотрит судья на ринге в глаза боксера, побывавшего в нокауте. Сергей поежился от этого взгляда, но ничего не сказал. Он знал, что на смену надо идти с ясными глазами. Проходя вдоль здания стана к бытовкам, Сергей почувствовал вдруг непривычную тишину. Не слышно было грохота мостового крана, снимающего с крюкового конвейера бунты катанки, шипения систем, работающих на сжатом воздухе, гула клетей.

«Сегодня же ремонт! — вспомнил Сергей.— Поэтому-то и тихо».

Он замедлил шаг и не спеша поднялся в бытовки. Здесь тоже было тихо. Ребята из ночной смены еще не закончили работу, а до начала дневной было далеко. Тишину в душевой нарушил лишь динамик, висевший на стене у входной двери и жалобно верещавший тонким по-бабьи голосом модного певца:

...Быть может, ты забыла-а-а
Мой номер ти-ли-фона-а-а...

Переодевшись, Сергей пошел, как всегда, узнать о делах на печи. Поговорив с напарником из ночной бригады и просмотрев записи в журнале, Сергей направился осматривать участок. Работал он сегодня один: помощник его был в отгуле.

Как живая во время прокатки, мерно гудящая, пышущая жаром и сверкающая сплохами яркого огня, нагревательная печь сейчас выглядела как-то непривычно. У вскрытых окон валялись груды битых кирпичей. На площадке со стороны прокатных клетей лежали вытащенные через окна и уже остывшие длинные и тяжелые заготовки, похожие на квадратные жерди. На площадке, с другой стороны печи, высились несколько желтых штабелей новых огнеупорных кирпичей, которые предстояло сегодня занести внутрь печи для замены части пода. По тесовым мосткам Сергей зашел в печь. Его сразу же обдало жаром со всех сторон, и он зажал руками уши. «И верно, под сотню градусов»,— вспомнил Сергей показания прибора.

Остановленная еще вчера, печь остывала медленно, хотя все окна были открыты, а мощные вентиляторы гнали внутрь прохладный воздух. Ясно, что в такой жаре работать будет нельзя, и Сергей пожалел, что по крайней мере половину смены придется ждать, пока печь остынет. С этой мыслью он и направился в красный уголок на сменное собрание.

Взойдя на переходный мостик, Сергей увидел стоящих у печи под главным операторским постом и о чем-то увлеченно разговаривающих начальника стана Иволгина, парторга Соколова и начальника цеха Балашова; правда, видно было, что больше всех говорил, жестикулируя и показывая все время рукой в сторону печи, Иволгин, а Балашов и Соколов только кивали головами. Очевидно, шел разговор о ремонте печи. В такие дни, как сегодня, начальство с раннего утра всегда в цехе.

Сергей решил было подойти к ним, но раздумал. Не хотелось почему-то говорить с Иволгиным. В последнее время отношения между ними стали заметно холоднее. Сергей это чувствовал без всяких слов. А ведь были они с Толькой Иволгиным друзьями детства. И деревенские дома их в родном Сухом Бору стояли рядом. Вместе учились они в школе и в институте. Вместе и на завод пришли в один и тот же прокатный цех. И все вроде хорошо было, но вот стал Иволгин начальником стана, и будто подменили человека. Даже голос его изменился — стал властным и значительным. Сергею показалось даже, что и на лицо свое Иволгин надел маску недоступного человека, обремененного производственными заботами и наделенного возможностью повелевать людьми.

Балашова же, нового начальника цеха, Сергей знал совсем мало. Тот до недавнего времени был в цехе начальником смены — должность незаметная, — и Сергей встречал его редко. С парторгом цеха Соколовым он тоже был знаком, можно сказать, шапочно. Еще год назад тот работал на первом стане рядовым вальцовщиком...

...В красном уголке стана, когда там появился Сергей, было уже людно. В ожидании начала собрания ребята читали газеты, беседовали, курили. Четверо за столом резались в домино, громко и весело крича, ударили черными костяшками о столешницу.

Влюбился я-а-а!!! ... Влюбился я-а-а!!! —

верещал в динамике и здесь все тот же голос. «Неужели не надоело», — подумал Сергей и выключил радио. Никто этого даже и не заметил. Все занимались своими делами.

Мастер бригады Телегин сидел за столом. Он со средоточенно что-то читал в книге распоряжений и строго поглядывал иногда на ретивых доминошников. Колька Ильин тоже был тут. Сергей едва успел с ним поздороваться и сесть рядом на стул, как в дверях показался Галухин.

— Привет рабочему классу! — громко проговорил Иван Андреевич и, подняв в приветствии руку, сел поближе к окну на свое обычное место. Мастер кивнул ему, а Колька Ильин тут же подсел к Галухину. Будто давно ждал появления Андреича.

— Здорово, тятя! — Колька подал ему руку. — Чего опаздываешь?

— Который раз тебе толкую, — неторопливо и назидательно ответил Галухин. — Я не опаздываю, а задерживаюсь.

— А-а-а, — протянул Колька. — Ну тогда, конечно, это извинительно... Да, да... А ты вчера телевизор-то включал?

— Включал... — нехотя ответил Галухин. Он знал, к чему клонит Колька, и не хотел с ним говорить.

— Ну и как?

— А что как? Обыкновенно...

— Обыкновенно?! — воскликнул Колька. — Не притворяйся, Андреич. Вчера же наше «Торпедо» ваш «Спартак»-то — фыр-фыр: накололо, как маленьких. Только брызги летели.

— Да иди ты, Шплинт! — отмахнулся Галухин. Колька небольшого роста, и Андреич часто зовет его так. — Погоди, вот во втором круге от вашего «Торпедо» тоже перья полетят.

— Ха-ха-ха! — засмеялся Колька. — Да не будет этого никогда. Потому что в вашем «Спартаке» сейчас одни костоломы играют. Во... как танки на поле боя. А футбол игра тонкая.

Ребята, чувствуя, что разговор будет интересным, стали подсаживаться ближе к спорщикам. Но Галухин, понимая, что Колька от него не отвяжется, пересел на другое место.

В красный уголок зашли начальник цеха Балашов, парторг Соколов и начальник стана Иволгин. Наклонившись к столу, Иволгин о чем-то потолковал с мастером. Телегин, согласно кивнув головой, поднялся и постучал торцом карандаша по столу.

— Внимание, товарищи! Кончай перекур!.. Начнем сменно-встречное собрание. Значит, так... Пока наша бригада была на выходном, стан вчера остановили на ремонт. Работы нам сегодня предстоит сделать много: и на посаде, и на печи, и на группах клетей... Короче говоря, на всех участках.

— На сколько суток рассчитан ремонт? — перебил кто-то мастера.

— По графику он должен быть трехсуточным. Так, Анатолий Никодимович? — повернулся Телегин к Иволгину.

— Так-то так,— медленно начал Иволгин, будто раздумывая, сказать или нет.— Только я, товарищи, особо хочу с вами поговорить, уж коли речь сразу зашла об этом. Тут дело такое. Руководство цеха просит коллектив нашего стана ускорить ремонт и провести его за двое суток.

— Ого!

— Да, товарищи. Так надо в связи с производственной необходимостью, и я думаю, что мы с этой задачей справимся. Как, Михаил Егорович?

— Да как...— Телегин зачем-то перелистывает журнал сменных заданий.— Раз надо, то сделаем. Постараемся все сделать, что от нас зависит. Верно, товарищи?

— Сделаем, чего там,— ответил кто-то не сразу.

— Не в первый раз ремонты сокращать.

— Ну и добро тогда,— удовлетворенно сказал Иволгин и повернулся к начальнику цеха Балашову.— У вас что-нибудь есть сказать по этому вопросу, Василий Кузьмич?

— Да особенного ничего нет. Тут вроде уже все сказано и без меня. К тому же я, как вы знаете, человек здесь новый. И месяца в начальниках цеха нехожу. Поэтому людей еще мало знаю. Но вот с первой бригадой вашего стана я вчера говорил об этом, и там отнеслись с пониманием и даже вроде хотят вызвать вас на соревнование. Вот секретарь парторганизации подтвердит.

Соколов достал из нагрудного кармана маленький блокнот.

— Да, товарищи, ремонт этот — дело действительно серьезное. Поэтому мы решили организовать соцсоревнование между бригадами. Вам предстоит соревноваться с первой бригадой. Итоги будем подводить по выполненной работе в конце ремонта. Задания вам даются примерно одинаковые. У меня все.

— Первая бригада освободила печь от заготовок. Они перевалили клети правой стороны на прокатку катанки номер шесть. Вам надо... — начал было Иволгин, но Телегин его перебил:

— У меня все записано, Анатолий Никодимович, все задания. — Он показал исписанный лист бумаги и повернулся к Балашову. — А как насчет людей с других станов, Василий Кузьмич?

— Об этом мы думали и людей вам дадим. Ремонтные бригады — само собой, а еще листостан и блюминг пришлют своих слесарей, наши станы тоже. Так что людей у вас будет достаточно... Меня другое волнует: состояние нагревательной печи. Собственно, она нас в основном и держит. После обеда должны прийти огнеупорщики для ремонта пода, а печь еще горячая, и им туда не зайти для работы. Так что я попрошу все внимание обратить на то, чтобы быстрее остудить печь.

Иволгин ткнул пальцем в бумажку, которую держал Телегин.

— Михаил Егорович, добавьте на печь пару вентиляторов с соседнего стана — с диспетчером я поговорю — и поставьте у окон томильной зоны. А сварщики пусть следят за тем, чтобы они постоянно работали. Старший сварщик здесь? Груздев!

— Тут я, — ответил Сергей.

— Вы поняли, о чем речь идет?

— Как не понять. Не первый год замужем. Остудим к концу смены.

— К концу смены? — переспросил Иволгин. — Нет. Это будет уже поздно. Придумайте что-нибудь.

— Придумаем, Анатолий Никодимович, — заверил Телегин.

— Тогда хорошо... Михаил Егорович, вы людей по участкам распределили?

Телегин вооружился очками и стал каким-то домашним, совсем не похожим на командира производства.

— Да. Соловьев, Михайлов, Ильин — на гидросмы... — начал читать Телегин.

— Опять гидросмы... — перебивая мастера, крикнул Колька, которому этот гидросмы поперек горла. — Я в прошлый ремонт в том подземелье был, а потом неделю кашлял. Сыро там очень, и мне нельзя.

— Сегодня я посылаю туда на гидросмы молодых ребят. Они плохо знают тот участок, — спокойно поясняет мастер. — Ну а ты как специалист поможешь им.

Но Колька не успокаивается.

— Чего помогать-то!? Наука нехитрая — лопатой окалину убирать. Диплома не надо. В общем, как хотите, а в гидросмы я не пойду. Я лучше на печь.

Колька возмущается не зря. Это знают все, кто сидит сейчас на собрании. Глубоко под несколькими этажами бетона, на котором стоит стан, по всей длине прокатки проходит узкий коридор с желобом по дну, в который смывается водой вся окалина. От ремонта до ремонта желоб не убирается и почти заваливается окалиной. Там постоянно сыро, душно, грязно. Это и есть гидросмы — самый тяжелый участок уборки во время ремонтов. Добровольно туда пока еще никто не ходил... Но Колька возмущался все-таки зря. Раз уж назначили в гидросмы, то так и будет. Это тоже знали все.

— Ильин, прекратите спор! — строго прикрикнул Иволгин. — Продолжайте, Михаил Егорович.

— Так... значит. Вальцовщики занимаются перевалкой клетей на своих группах по левой стороне, а все операторы — к ним в помощники. Клети не только перевалить, но и вычистить, чтобы они блестели, как у кота глаза. Я проверю. Так... Рабочие по уборке горячего металла наводят порядок на своих местах. Подробный инструктаж все получат у старших участков. Все. Вопросы есть?

Вопросов не было.

— Михаил Егорович, — Иволгин внимательно осмотрел сидящих, — а люди у вас сегодня в бригаде все? Что-то здесь маловато, я гляжу.

— Старшие участков все здесь, да и остальные вроде тоже. Правда, может, кто еще в бытовке, так подойдет.

— А вот, к примеру, слесарь Лебедев пришел сегодня на работу? — не отставал Иволгин.

Телегин не ответил. Он удивленно взглянул на начальника стана. Потом на всех.

— Лебедев здесь?

Все молчали. Слесаря Лебедева в красном уголке и вправду не было.

— В бытовке, наверное, переодевается. Виктор всегда точно приходит,— сказал кто-то.

— На этот раз он точен вряд ли будет,— усмехнулся Иволгин.— Попал вчера в вытрезвитель ваш Лебедев. Всему стану преподнес подарок, а бригаде своей в первую очередь.

— Не может быть! Лебедев же совсем не пьет,— громко сказал Галухин.

— Как — в вытрезвитель? — удивился Телегин.— Никогда не поверю.

— И тем не менее это факт.

— Кто вам сказал?

— Только что диспетчер цеха сообщил, а ему позвонили из вытрезвителя еще вчера вечером. Так что, Михаил Егорович, разберитесь в этом деле, пожалуйста.

— Разберемся... Если нет вопросов, то... пошли работать, товарищи. Старшего сварщика Груздева прошу оставаться.

Бригада, задвигав стульями, с шумом повалила из красного уголка. Оставшись один, Сергей подошел к столу и сел на угол.

— Чего, Егорович?

Мастер, не торопясь, присел рядом. Вид у него был озабоченный, лицо усталое и осунувшееся, будто Егорыч отработал ночную смену. Но так мастер выглядел почти всегда. Он был из тех, кого называют ветеранами. Отработав уже дважды горячий стаж металлурга и выйдя на пенсию в положенные пятьдесят лет, Егорыч из цеха не ушел, а стал работать мастером смены. Сам он появился в этом северном городе, на этом заводе много лет назад, когда прокатный цех только начинал работать. Приехал Егорыч откуда-то с Урала с семьей, уже прокатчиком со стажем. Тогда многие спецы-металлурги приезжали сюда на завод из разных городов: металлургия в этом краю была делом новым. Все эти годы работал Егорыч вальцовщиком на разных станах, а когда набирали народ на новый проволочный стан, он, не раздумывая, пошел туда бригадным мастером: ему было что передать молодым ребятам. Жа-

лел Михаил Егорович только об одном: росли у них с женой две дочки, и мечта его о династии металлургов Телегиных так и осталась мечтой. Впрочем, он надеялся на внуков...

— Что ты, профорг, об этом думаешь? — заговорил Телегин.

— О чем?

— О Викторе. И спрашиваю тебя потому, что знаю, какие вы с ним друзья.

— Не верю я, понимаешь, не верю!

— Но ведь он в вытрезвителе!

— В вытрезвитель попасть не проблема. Я говорю о том, что Витька не мог в выходной напиться. У него большой желудок, и он как раз сейчас проходит курс лечения. С ним что-то случилось.

— Вот и я об этом подумал. А ты его вчера не видел?

— Нет. Мы с ним собирались, правда, на рыбалку, но Витька уехал на выходной к матери в Бирюково и должен был приехать сегодня прямо на работу. Он всегда так делает, когда в деревню ездит.

Телегин после этих слов как-то даже оживился.

— На чем?

— У него мотоцикл с коляской.

— Может, там в деревне что случилось, а? ... Впрочем, что гадать. Сейчас буду звонить и все узнаю. — Телегин помолчал, потом пристально глянул на Сергея. — А ты чего это с самого утра такой мрачный?

— Мать через час приезжает из деревни или с ленинградским, или с местным, а я на работе и не могу ее встретить.

— А Светка? Жены-то нет, что ли, дома?

— Дома, да вчера мы с ней размолвились. Так что она может и на вокзал не прийти.

— А отчего у васссора вдруг? — удивился Телегин.

— Сам не знаю, понимаешь.

— Как так?

— Молчит второй день. На что-то обиделась, а не говорит.

— Вся в мою, — ухмыльнулся Егорыч. — Ну с тобой поругалась, а мать-то при чем? Брось, не думай так. Иди работай спокойно.

Сергей встал и пошел к выходу, но в самых дверях его опять остановил Телегин.

— Серега, погоди-ка... Помнишь, как в Кривом Роге на стажировке мы ремонт стана делали срочный?

...Перед пуском своего стана вальцовщики и операторы около года работали и учились на подобном стане в Кривом Роге. Дело было тогда новое. Сергей, конечно, помнил, но не знал, куда клонит мастер.

— Помню, ну и что?

— А то, что тогда, не дожидаясь, когда остынет печь до конца, мы сами занесли туда кирпичи для ремонта. Огнеупорщики пришли, а кирпичи уже там. Время тогда, помню, намного сократили. Вот я и думаю, не сделать ли нам так сегодня.

— Зачем?

— Как зачем? Ремонт-то сократить решили.

— А ты знаешь, сколько кирпичей туда занести надо? Остудим печь, придут огнеупорщики, поставят транспортер и подадут кирпичи внутрь. Зачем их руками-то таскать?

— Знаешь, Сергей,— немножко замялся Телегин,— дело в том, что кирпичей потребуется меньше, чем предполагалось. Будем заменять под только в сварочной зоне печи.

После этих слов Егорыча Сергей даже вскочил с места.

— Кто сказал? Почему? — почти крикнул он.

— Все потому же,— вздохнул Егорыч,— сварочная зона быстрее остынет. Да и если ремонтировать одну зону, то ремонт намного сократится.

— Но ведь в томильной зоне вот такие выбоины сделаны концами заготовок. Работать нельзя будет,— не сдавался Сергей.

— Знаю. Выбоины сам видел и Иволгину показывал. Решено их заделать раствором. Вот так...

— Почему же Иволгин на собрании об этом не сказал? — спросил Сергей.

— А он мне поручил это сделать. Видно, боялся, что ты при всех шум поднимешь...

— Надоело это все, Егорыч,— с досадой проговорил Сергей.— Каждый раз ремонты сокращают. До каких же пор! Печь требует нормального, а не спешного ремонта.

Телегин и сам понимал, что Сергей прав, не бывало еще на стане ремонта, который бы не заканчивали досрочно. С одной стороны, дело это хорошее, выгод-

ное: стан работал и выдавал металл, хотя по графику считался еще в ремонте. А с другой... с другой стороны, получалось, что каждый раз не все успевали сделать, что-то оставляли «на потом». Поэтому после ремонта части были поломки и аварии во время прокатки, и тогда тонны металла, прокатанные досрочно, уходили на покрытие этих простоев. Стан лихорадило часто.

— Да знаю я,— махнул рукой Телегин.— Только ведь я сам-то решений не принимаю.

— Ладно, попробуем,— согласился Сергей.

— Ну и добро,— повеселел Егорыч.— Узнай температуру на печи и мне позвони. А я тоже пойду везде звонить, Лебедева искать. Потом — к начальству за разрешением огнеупоры в печь заносить... Вот так всегда — миллион дел сразу.

Они вышли из красного уголка. Со стороны главного поста донесся звук гудка, означающего окончание ночной и начало утренней смены.

II

Напрасно Сергей подумал плохо о своей жене. Светлана дважды ходила утром на вокзал и встретила свекровь. Прасковья Даниловна приехала местным поездом. Домой со станции шли пешком: недалеко, да и поклажа у гости невелика — одна сумка.

Даниловна в новой квартире у сына еще не бывала. Как-то раз с год назад приезжала погостить, поглядеть, как устроились молодые, узнав из писем, что они получили комнату в доме молодоженов. Тогда, прямо сказать, их жилье Прасковье не понравилось. Комната всего в девять квадратных метров. Народу в доме, что в хорошем муравейнике. То же самое общежитие, только вывеска другая. Не забыла Прасковья и того, как долго не могла ночью уснуть, даже всплакнула, жалея Сережку и Светланку, больше года проживших в разных общежитиях после свадьбы. Одно только и утешало, что хоть и маленькая комната, да своя, и «дорогие детки», как называла она их в письмах, живут вместе. С тем тогда и уехала. И вот теперь приехала поглядеть на новую квартиру.

Пока поднимались на пятый этаж, Прасковья раза два отдыхала, переводила дух, утираясь уголком ново-

го белого в мелкий горошек платка. Когда же Светлана наконец отворила дверь, Даниловна устало опустилась на стул, едва войдя в комнату.

— Господи, царица небесная, матушка! Да неужели я приехала. Ох!

— Раздевайтесь, мама. Будьте как дома,— Светлана торопливо прибирала что-то на диване.

— Подожди, Светланушка,— обмахивалась платком Даниловна,— дай отдошаться. Больно уж дорогоато к вам худа. Почти всю ночь трястись надо, а я и так-то не люблю в поездах ездить. Уморилась совсем. Окна в вагоне затворены, народу битком. И куда все едут?

— Летом всегда так.

— Да и вы больно высоко забрались. На пятый этаж не с моим здоровьем влезать.

— Какую дали квартиру, ту и взяли.

— Да квартира-то больно добра.— Прасковья, охая, встала со стула.— Дай-ко я ее всю огляжу.

— И смотреть-то нечего — одна комната да кухня.

Прасковья сперва заглянула на кухню, потом подошла к окну. Квартира ей определенно нравилась.

— Ну, ты это зря: и свету много и просторно. Вон и балкон даже есть. Да у вас квартира, как в кино! Не сравнишь с той комнатенкой, которая в доме молодоженов-то была. А ты говоришь...

— Да вы, мама, раздевайтесь. Отдохните с дороги, пока я завтрак готовлю.

Светлана направилась на кухню, но Прасковья ее остановила.

— Погоди-ко, Светланушка, успеешь. Давай я сперва свои гостицы достану.— Прасковья Даниловна пошла в прихожую за сумкой.

— Вы опять чего-то привезли? Ведь мы писали вам, что нам ничего не надо.

— Из деревни и с пустой сумкой?.. Да я тогда бы и не поехала. Хоть у вас тут в городе и много всего, а такого все одно нет.— Прасковья поставила сумку на стол.— Вот грузочки. Еще прошлогодние. А вот белые маринованные. Колобки домашние, Сережа их любит. Рыбник вот вам испекла с лещом.

— У нас пироги в кулинарии есть.

— Знаю, что есть, да только с треской, хоть и рядом с настоящей рыбой живете.

— Спасибо, спасибо, — благодарила Прасковью сноха, унося гостинцы.

Даниловна сняла вигоневую кофту, сполоснула лицо и прошла к Светлане на кухню.

— А как тут у вас Зинаида-то Иволгина живет? Как уехала к сыну от нас, так и не слыхать.

— Мы их редко очень видим, мама. Как Анатолий стал начальником стана, так мы реже и встречаться стали.

— Ну! — удивилась Прасковья. — В начальники уже вышел. Быстро это он. Давно ли вместе с Сережкой нашим институт кончали... А Порфириевна как?

— Зинаида Порфириевна со снохой, кажется, не ладят.

— Не ладят? — взволнованно переспросила Прасковья. — Неужто так? А Толька что же?

— А что Толька... Он жене-то и слова поперек не говорит. С ребенком ее взял.

— Вот уж поверить нельзя, что он мать обидеть может, — расстроенно проговорила Прасковья. — Сам ведь уговорил Порфириевну дом в деревне продать и к нему переехать, а теперь не нужна, выходит?

Странно для Прасковьи такое слышать. Зинаиду Иволгину она знала еще по гулянкам далекой девичьей поры. Вместе и замуж выходили сразу после войны за демобилизованных из армии ребят. И жили рядом всю жизнь, пока лет семь назад не умер муж Зинаиды Никодим. Вскоре она и уехала к сыну в город. К единственному сыну. И на вот тебе, какие дела...

— Не знаю я их дел, — ответила Светлана. — Своих хватает. Давно никого не видела. Мы к ним неходим теперь, они к нам тоже. А вы можете ей позвонить, если хотите.

— У них и телефон есть?

— Есть, конечно.

— Тогда, и верно, надо позвонить Порфириевне-то. Может, и дома она. Какой у нее номер-то?

Прасковья прошла в прихожую, где на маленькой полированной тумбочке стоял телефон. Сев на стул рядом, она сняла трубку и, приставив к уху, прислушалась, набрала номер.

— Алё, кто это? Порфириевна, ты!? — громко и радостно закричала в трубку Прасковья. — Матушка, здорово! Это я, Прасковья! Прасковья, говорю, соседка

твоя... бывшая... Узнала ли теперь? Ну вот и хорошо. Как живешь-можешь-то? Ну-ну... У меня тоже всякое бывает. Да вот приехала погостить... А это уж как погостится... Куда ты собралась? В магазин? Ну так вот и заходи к нам. Тут и встретимся, а то давно мы не виделись, подружка моя. У нас Сережка-то на работе, так мы тут со Светушкой вдвоем командуем. Она как раз сейчас на кухне чай ладит... Сегодня, сегодня. Только вот в двери вошла, так что ты приходи. Квартиру-то найдешь? А-а, недалеко живете... Ну-ну... Тут и потолкуем. А то разве по телефону-то поговоришь. Хорошо, хорошо.

Прасковья положила трубку и закричала на кухню:

— Света! Дозвонилась я. Сейчас Порfirьевна придет. Поговорила я с ней.

— Я как раз чайник поставила,— ответила Светлана.

Она прошла к столу, на котором стояло большое зеркало, села и начала заниматься прической.

— А ты али уходишь куда? — спросила Прасковья удивленно.

— Да, мне на репетицию надо.

— Куда, куда?

— Ну понимаете, я в хоре заводском пою.

— У нас в селе тоже в клубе поют. Только по вечерам.

— Так я и по вечерам хожу, когда с утра работаю, а когда с трех часов смена или выходной, то на репетицию утром ходим.

— Утром на хор, а вечером на работу, потом утром работа, а вечером, значит, хор,— недоумевала Прасковья.— Так когда же ты с мужем-то встречаешься?

— Ой, что вы, мама, такое говорите,— чуть обиженно ответила Светлана.— Встречаемся, когда выходные у него или у меня бывают. Не каждый же день я на хор хожу. Да и разве это главное в жизни.

— Вот тебе и раз. Если поженились, так и надо быть вместе. Главное, чтобы семья настоящая была.

— А она у нас есть. Как и у всех.

— Да разве это семья: муж в одну сторону, а жена — в другую.

— Какие у вас, мама, старые представления,— нарочито вздохнула Светлана.— Сейчас все равны.

Прасковья села за стол напротив.

— Равны-то равны. Только жена с мужем должна быть рядом, поддерживать его в трудный час, заботиться. Нам, бабам, особенно мужиков-то беречь надо, поскольку мужик — глава семьи. Неужели уж и это сейчас старо стало?

Светлана вскочила со стула.

— Берегите мужчин!.. Ха-ха... Конечно, старо. И вы газет, выходит, начитались.

— Нигде я про это не читала. Сама знаю, без газет, что мужик в доме — голова, а голову, знамо дело, беречь надо. Так всегда было.

— Было да прошло.

— У вас, может, и прошло, да вот чем это еще обернется. Только вон и слышишь: у того инфаркт, у этого инфаркт.

— Вас послушаешь, так у вас уж все хорошо было.

— Да все бывало, милая моя,— вздохнула Прасковья.— И поругаешься и помириишься. Не без этого. Только я всегда знала: с мужиком не пропаду. Я своему доверяла и помогала всегда. Ну и он меня всю жизнь поддерживал. Всякое бывало, да и сейчас бывает, но всегда он для меня был и будет хозяином и старшим. За ним я, как за каменной стеной.

Светлана убрала зеркало со стола.

— Сейчас другие времена. Вы посмотрите, как мужики пьют.

— Пьют тоже не от хорошей жизни.

— Уж не мы ли, жены, опять виноваты?

— А кто же. У хорошей жены муж никогда не запьет.

Светлана прошла в прихожую и стала собираться.

— Нет, мама, все-таки с вами трудно говорить. У вас понятие об этом совсем наоборот. Пойду я...

— Иди, иди... Сережка-то когда придет?

— Часа в четыре. Если надумаете что готовить, так все в холодильнике. Сами найдете.

— Ну-ну, а что ему-то передать?

— Ничего,— Светлана отворила двери.— Ну, я пошла. Чайник не забудьте выключить. До вечера.

— Иди, иди. Ступай с богом, Светушка.— Щелкнул дверной замок, и Прасковья услышала, как Светлана быстро-быстро затопала по лестнице.— Понятие, говорит, наоборот. Да я с этим понятием всю жизнь

прожила и не каюсь. Это у вас все наоборот стало. О господи, скорей бы хоть Сережка приходил!

Прасковья еще немного постояла, о чем-то задумавшись, и пошла на кухню.

III

Проводив начальника цеха за ворота стана, Иволгин зашел к себе в кабинет. Правда, смешно было называть кабинетом эту маленькую комнатушку рядом с инструменталкой, где стоял небольшой стол с телефоном да несколько жестких стульев вдоль стен.

Иволгин снял каску, небрежно бросил ее на стул у двери и прошел к столу. Подолгу он здесь редко сиживал, находясь больше то у вальцовщиков, то у сварщиков на печи или у цехового диспетчера, когда надвигалась угроза срыва подачи металла на стан с блюминга. Дел было всегда много, и он приходил в свой кабинет подписать разные бумаги — чье-то заявление на отпуск, проект очередного распоряжения — или провести совещание-летучку с мастерами и старшими участков.

Вот и сейчас он забежал сюда посмотреть, нет ли срочных бумаг.

Слава богу, бумаг было немного: просьба освободить от работы в вечернюю смену участников цехового хора да докладная мастера первой бригады Никитина на оператора проволочных моталок Гришина, снова перепутавшего на своем участке номера плавок стали.

Необходимость кого-то освобождать от работы всегда злила Иволгина. Рабочих на стане и так постоянно не хватало, а тут надо еще петь отпускать. Иволгин выругался про себя, но бумагу подписал: откажешь — все равно не отвяжутся и выклянчат освобождение у начальника цеха.

А вот что делать с Гришиным, он и вправду не знал. Наказывали того не раз за неправильный раздел плавок. Даже лишали месячной премии... И вот на тебе — опять напутал. Иволгин пробежал глазами докладную: «...в смене с двадцати трех ноль-ноль до семи ноль-ноль на участке проволочных моталок оператор Гришин не разделил плавки стали, в результате чего брак от обезличивания годного металла составил семь тонн. Объяснительную Гришин дать отказался...»

Придется, видно, опять парня наказать. Хотя, честно говоря, в чем-то и этот Гришин прав, когда говорит, что за разделом плавок должны следить контролеры ОТК. Ведь следят же они за этим делом при загрузке печи металлом и на конвейере, когда готовые бунты проволоки отправляют на склад. Короче говоря, надо в этом деле разобраться не спеша. В других бригадах, кстати, подобные случаи тоже бывают. Иволгин положил докладную в папку, включил было по привычке селектор, но вспомнил, что на главном посту сейчас никого нет, надел каску и вышел из кабинета.

В необычной тишине большого пролета стана гулко раздавались удары кувалд. Ремонтники меняли цепь транспортера у моталок; где-то стрекотал отбойный молоток; над головой прогрохотал мостовой кран. Ремонт шел своим обычным ходом.

Иволгин остановился на площадке у чистовых клетей. Вальцовщики выкатывали старые клети для замены. Кого-то распекал за нерадивость старший мастер Мелков. Иволгин хотел было вмешаться, но раздумал. Он считал, что Мелков немного грубоват, но именно это Иволгину и нравилось в старице. Во всяком случае, за прокатное оборудование, которое находилось в ведении старшего мастера, он был всегда спокоен, а что касается строгости к подчиненным, то она никогда не мешала делу.

Иволгин почти не вмешивался в действия старшего мастера. Ведь Иволгина и на свете-то еще не было, когда Мелков начал иметь дело с металлом.

Вот и сейчас Иволгин, стоя в стороне, просто наблюдал, как работает старший мастер. А тот занимался перевалкой — заменой старой клети. Расставив людей по местам, Мелков, сам подавая команды крановщику, снял ограждение. Потом помог завести под клеть тележку, опустить зажимы. И вот уже тяжелая клеть вывозится чуть ли не на середину пролета. Тут же сам Мелков подцепляет ее тросами крана, что-то крича при этом, тот поднимает клеть и уносит в самый конец станового пролета. И сейчас же место этого крана занимает другой, с новой клетью. Правда, клеть-то такая же, только валки у нее новые. Иволгин второго крана поначалу и не заметил даже. Вот клеть, сверкая валками, опустилась на тележку. Эту клеть завели на место прежней, закрепили, а дальше уже дело валь-

цовщиков ее настроить. Все произошло в считанные минуты, и Иволгин с удовлетворением отметил это про себя.

Как только клеть завели и закрепили, Мелков удалил ладонью о ладонь, вытащил из кармана синей куртки ветошь и, довольно улыбаясь, глянул на Иволгина, как бы говоря: «А мы еще кое-что можем». Иволгин кивнул одобрительно головой, тоже улыбнулся Мелкову и пошел в сторону главного поста.

По высокой, гремящей при каждом шаге железной лестнице Иволгин поднялся на пост — место главного оператора стана. Он любил здесь бывать во время прокатки. Отсюда, с высоты поста, весь прокатный стан от нагревательной печи до «хвостового» участка виден, как на столе. И не было для Иволгина большего удовольствия, чем наблюдать, будто с капитанского мостика, за этим сложным механизмом в работе — с алыми сполохами пламени в печи, когда из нее выдают на прокатку разогретый металл, с гулом двигателей прокатных клетей, ворочающих тяжелые валки, между которых, обжимаясь, мерцают раскаленные полосы заготовок...

Картина эта поразила Иволгина в тот первый раз, когда он поднялся сюда два с лишним года назад. Тогда они с Сергеем Груздевым после института делали первые шаги на стане. Оба подручными. Сережка у сварщика на печи, он у вальцовщика... Два года... Как недавно и как давно это было. Многое достиг он за это время: работал и просто вальцовщиком и старшим, мастером бригады и старшим мастером на соседнем стане. И вот совсем недавно вернулся на свой стан начальником. Для многих, он знал, такое продвижениеказалось делом не только его инженерных и человеческих способностей. Особенно после того как, будучи еще вальцовщиком, Иволгин женился на дочери замдиректора завода Тамаре Грубовой, с которой судьба свела его на вечере молодых специалистов... Но ему наплевать, что думают о нем другие. Свою работу он любит и всегда ее делает сам. И, видимо, неплохо: стан на хорошем счету в цехе.

Правда, не все шло гладко, как хотелось бы. Жизнь не стлалась ровной дорогой. Вот и сейчас он никак не мог понять, что произошло в семье. Будто черная кошка пробежала между Тамарой и его матерью, которая

жила с ними после того как, продав дом в деревне, переехала сюда. В семье Иволгин был как бы между двух огней и не мог придумать, как выйти из этого положения. Порой даже домой идти не хотелось и он подолгу стал задерживаться на работе. Но здесь тоже каждодневно может случиться какое-нибудь ЧП. Вот ведь случилось с тем же Лебедевым, кто бы мог подумать... При воспоминании о Лебедеве Иволгин ощутил какое-то неясное беспокойство, сидевшее в нем с той самой минуты, когда он узнал, что тот не вышел на работу... Но сейчас об этом думать было некогда. Пора сделать обход участков и поглядеть, как идет ремонт. Иволгин включил общий селектор, вызвал к главному посту мастера смены Телегина и стал спускаться вниз.

Телегин пришел быстро, сняв каску, вытер вспотевшее лицо платком.

— Что-нибудь случилось, Анатолий Никодимыч?

— Нет, у меня ничего особенного. Как идет ремонт?

— Да вроде нормально. Люди все на местах.

— На печи был?

— Нет еще. Да там надежно. Груздев не подведет. Я сейчас перевалкой занимаюсь.

— Там и без тебя управятся. Пойдем на печь. Как бы ни было надежно, а посмотреть надо. Доверяй, но проверяй — есть такое правило. Понял? Пошли...

*
* * *

Сергею Груздеву тоже нравилась его работа сварщика нагревательной печи. Правда, это пришло не сразу. Поначалу, когда его поставили на печь подручным, Сергею было как-то непривычно и даже обидно брать в руки лопату или метлу. Особенно же трудно было привыкнуть к жаре, к работе с тяжелой кантовой и ломом, когда приходилось руками переворачивать полутонные заготовки или сбивать с пода печи спекшиеся бугры окалины. В такие смены Сергей так уставал, что, приходя в душевую, не мог стоять на ногах и садился прямо на пол под прохладные, освежающие струи воды. После таких смен иногда приходила мысль перейти на другой участок. Но Сергей не ушел, выдержал. Постепенно он втянулся в работу, привык-

Изучив сложное хозяйство печи, Сергей в какой-то момент почувствовал ее, как живой организм, стал понимать, как понимают близкого друга, и уже не мыслил никуда отсюда уходить.

Работы на печи было всегда вдоволь, и даже во время ремонта, когда смена кажется намного длиннее, время здесь летело быстро.

Колька Ильин, Андреич и двое новичков с участка уборки горячего металла, работавшие с Сергеем на печи, трудились с небольшими перекурами вот уже второй час после начала смены, а кирпичей в штабелях на площадке у печи, кажется, не убавлялось.

Затащив очередную ношу кирпичей в окно тускло освещенной изнутри печи, Колька спустился по деревянным мосткам и остановился рядом с Галухиным.

— Ну что, тятя, не уездился еще? Не сачкуй, бери больше, бери.

— Я-то беру,—огрызнулся Галухин,—а ты языком чешешь больше всех.

— Да я...—начал было Колька.

— «Я... я...» Я — последняя буква в алфавите, да и та в раскорячку,—перебил его Галухин и скрылся в печи.

— Ну, тятя! —крикнул вдогонку Колька.— Погоди!

Из печи вышел Сергей с новичком. Он заметно веселел, когда в перекур позвонил домой и узнал, что мать уже дома и там все в порядке.

— Никола, еще один заход и — большой перекур,—крикнул он Кольке и пошел к чайнику с водой.

Вскоре все столпились у чайника, сняли войлочные шляпы, суконные с кожей рукавицы — вачеги. Колька вышел из печи последним.

— «А мы сюда приехали не греться»,—пропел он, подходя к ребятам.—Дайте мне, а то помру.

Сергей подал ему кружку.

— На. Вот что, братцы, вы перекутивайте, а я схожу похлопочу насчет молока.

Ребята сели на мостки, закурили. Галухин достал из кармана газету. Колька сразу же подсел к Андреичу.

— Вот ты, тятя, все читаешь, читаешь. А ответь, допустим, на такой вопрос.

— Ну?

— Что было бы, если бы ничего не было? А? Не знаешь? Вот так. А вот еще загадка: как раскрашена зебра — черным по белому или белым по черному?

— Трепло ты, Шплинт,— равнодушно ответил Галухин.— Нахватался вершков и выступаешь, как ученик.

— Значит, не знаешь. Вот и я все думаю, думаю. Эх, давай лучше закурим твоих, тятя.

— Да у меня рабоче-крестьянские, гвоздики,— сказал Галухин, не отрываясь от газеты.

— Вот как раз я сегодня такие и курю,— не отставал Колька.— Ладно, Андреич, не жми. Я тебе осенью картошкой отдам или в выходной — пивом.

— От тебя дождешься,— Галухин протянул Кольке пачку «Севера».— Поменьше пей да свои имей.

— Да ладно, ладно. Я ведь только попробую.

— Тебе, Шплинт, жениться надо. Тогда и болтать перестанешь. Жена язык укоротит.

— Успею, женюсь. Какие наши годы,— медленно и притворно-равнодушно протянул Колька.

— Годики-то идут, друг мой. Не нами сказано: тихо проходят минуты, быстро мчатся годы. А ты метеоришь то с одной, то с другой.

— Быва-а-ет,— опять протянул Колька.

Галухин осуждающе покачал головой.

— Смотри, Колька. Всех баб не перецелуешь.

— Да! — быстро подхватил Колька и даже встал, подняв вверх указательный палец.— Но к этому надо стремиться!

Ребята засмеялись, и Колька, довольный, опять сел рядом с Галухиным, который никак не отреагировал на Колькину реплику. Андреич не спешил. Началась обычная словесная перепалка, а он в этом деле имел свою тактику.

Оба новеньких пришли на стан всего несколько дней назад, и даже их одежда еще хранила запах вещевого склада. Оба работали на участке уборки горячего металла, там, где еще не остывшие бунты катанки прямо на транспортере обвязывают вручную проволокой перед погрузкой в вагоны. Эта работа считалась самой черной на стане, и многие новенькие начинали свою карьеру рабочего-прокатчика именно оттуда.

— Женат, Миша? — спросил Галухин того, что был постарше.

— Да, — кивнул тот. — Сыну шесть лет.

— А откуда ты к нам пришел на завод?

— Из совхоза. Я в Болотове жил.

— Так, значит, решил стать мастером огненных дел, богатырем-металлургом, покорителем огня или как там еще нас в газетах обзывают. А в деревне тебе что, не нравится?

— Почему же? Нравится.

— Так зачем же ты в город ушел? — удивился Галухин.

— Чего ты пристал к человеку? — остановил Андреича Колька. — Зачем да почему. Ушел, тебя не спросил. Ты ведь тоже из деревни вышел.

— Я — другое дело. Моя деревня вот на этом месте стояла, — притопнул ногой Галухин. — Ее завод съел. Так что мне деваться было некуда... А у тебя, Михаил, семья-то в деревне осталась?

Колька опять не выдержал.

— У человека, может, какая тайна есть, а ты пристал.

— Да нет. Тайны тут никакой, — сказал Михаил. — Просто с женой стали нелады, вот я и уехал.

Галухин щелкнул по горлу.

— Ясно. Вмазывал, поди?

— Нет, — усмехнулся Михаил. — Может, это и смешно на первый взгляд, но ушел я из-за того, что жена моя трактористкой стала... Жили мы вроде бы неплохо. Я шоферил, а она в конторе в бухгалтерии работала. Все было хорошо и вдруг будто скипидаром ей намазали. Хочу, говорит, трактор водить. Я ее сначала по-хорошему отговаривал: терпеть не могу баб за рулем грузовика или трактора... И по-плохому было, всяко. Но она на своем настояла, выучилась на трактористку и из конторы ушла. Вот тут и началась для меня не жизнь, а мука. Керосином от нее за версту несет, сын без материнского глаза. Не выдержал и уехал сюда.

— Ну, парень, — помолчав, произнес Галухин. — Не слишком ли ты круто повернул от нее. Мало ли баб на тракторах работает. Да и у нас в metallurgii их тысячи.

— А пусть их еще хоть миллионы будут, только не моя жена... Понимаете,— снова взволнованно заговорил Михаил,— я уважаю женщину-мать, сестру, жену, врача, учительницу, а вот женщину-трактористку принять не могу. Для меня это вроде уже и не баба, а полмужика.

— А теперь как же? — спросил Галухин.— Сын ведь, говоришь, у тебя там остался.

— Сына я своей мамаше поручил. Не знаю теперь как... Ничего не знаю.

— Правду старики говорят: один женился — свет увидел, другой женился — с головой пропал,— Галухин повернулся к Генке.— Ты-то хоть не женатый?

— Не-а... Я из армии недавно,— ответил Генка, ни разу до этого не приставший к разговору. Видно было, что ему пока и работа эта и люди — все внове.

— И прямо сюда? — опять спросил его Галухин.

— Не. Сначала домой в деревню.

— И ты оттуда?

— А мы с ним из одного села,— кивнул Генка на Михаила.

— Значит, сюда с ним за компанию?

— Ага. Нас из армии в село десять человек пришло, а через два месяца остался я один. Все по городам поехали. Кто на стройку, кто на завод. В газетах и по радио приглашали. Прочитал однажды «одиноким предоставляется общежитие», подумал, подумал и вот с ним уехал.

Из-за угла печи в проходе показались Сергей и Нинка Смирнова. Они несли проволочную корзину с пакетами молока. Увидев их, Колька пересел на другое место под самые штабеля, а Галухин бросил папиросу.

— А ну, братя, налетай,— еще издали громко закричал Сергей.— К вам Нина пришла, молочка прислала.

— Холодное? — спросил Галухин, вставая.

— Прямо с Северного полюса,— ответила Нинка.

Она была в модных серых джинсах, плотно облегавших ее стройные ноги в коротких сапожках. Куртка хоть и получена была в цеховом складе, но перешита по ее фигуре. Пластмассовая каска, из-под которой пестрела легкая ситцевая косынка, была лихо сдвинута на затылок, и, глядя на Нинку, невольно думалось, что место ей совсем не здесь, среди этой копо-

ти прокатного стана, пыльных кирпичей, дымных вспышек электросварки и грохота мостовых кранов...

— А что, на Северном полюсе, думаешь, холодно? — сказал Галухин, подходя к корзине с молоком. — Вчера вон в программе «Время» передавали, что там ноль градусов. А ты говоришь...

— Холодное, холодное, Андреич, — успокоил его Сергей. — Из холодильника взяли.

— Тогда надо испить, — Галухин взял пакет. — Нет ничего полезительнее молока от младости до старости. Спасибо, Нинуха. А ты чего молоко-то разносишь?

— Сережка попросил. Пейте на здоровье, — угощала Нинка и тут только заметила сидящего в стороне Кольку. — А этот трудящийся не заболел ли?

— Да вроде жив был, — сказал Галухин.

Нинка с пакетом молока подошла к Кольке.

— Попей, Коля, молочка.

— Спасибо, не хочу, — отказался тот.

— Нин, а Нин, — позвал ее Андреич, — да брось ты его. Обрати лучше на меня внимание.

Он похлопал кулаком по своей груди.

— Старовато дело, дядя Ваня. Сбросить бы тебе десяток годков, тогда бы и поговорить можно было.

— А что, Андреич, из таких хорошие жены получаются или наоборот? — спросил Сергей.

Галухин замахал руками.

— Не знаю, не знаю...

— Ой, ребята, пойду я, — засобиралась Нина.

— Погоди, посиди с нами, — остановил ее Андреич.

— У вас болтовня одна, а мне свою работу делать надо. — Нина пошла и задержалась возле Кольки. — Коль, а Коль, можно тебя на минутку?

Колька нехотя встал и, когда они, отойдя, остановились, спросил угрюмо:

— Ну что?

— А чего ты такой?

— Какой?

— Ну... какой-то сердитый все время. Вроде я оби-дела тебя чем.

— Ничем ты меня не обидела.

— Я же вижу. Не поговоришь никогда.

— О чём говорить-то?

— Так уж и не о чём? Скажи, Коля, я тебе противна, да?

Колька оглянулся на ребят.

— Вот нашла место отношения выяснить.

— А ты меня в последнее время избегать стал. Почему, Коль?

— Болтают много о нас.— Колька впервые при этом разговоре глянул на Нину.

— А я-то при чем, что люди болтают?

Колька не успел ответить. Нина побежала к лестнице переходного мостика и оттуда крикнула:

— К вам начальство идет!

— А что нам начальство! У нас законный перекур,— проговорил Галухин и полез в карман за очередной папиросой, увидев спускающихся по лестнице Иволгина и Телегина.

Взойдя на площадку, Иволгин окинул взглядом штабеля кирпичей и подошел к ребятам.

— Ну, орлы, как дела? — спросил он.

— Мы не орлы, мы — львы,— первым ответил Колька.

— А может, слоны,— подхватил Галухин.

— Это почему же? — засмеялся Иволгин.

— А потому что там,— Колька показал на печь,— как в Африке, и даже жарче.

Иволгин повернулся к Сергею.

— Какая температура в печи?

— Шестьдесят.

По деревянным наклонным мосткам Иволгин поднялся к окну печи, заглянул в тускло освещенное ее нутро, постоял немного и спустился обратно.

— Жарковато, но работать можно. Понимаете, что значит эта ваша работа? Сделаете ее, и я вас не обижу. Но если вам жарко, то я найду добровольцев. Решайте сами.

— Да сделаем, чего там, раз надо,— заговорил Галухин, надевая на голову войлочную шляпу и подвязывая поля шнурком под подбородком, чтобы не ожечь уши.

— Ну вот и хорошо. Тогда за работу,— сказал добровольный Иволгин и остановил Кольку: — А вы, Ильин, кстати, почему не выполняете распоряжение мастера? Почему работаете здесь, а не в гидросмыве?

— Сам удивляюсь,— сдерзил Колька.

— А потом возмущаетесь, что вас наказывают.

— Неправильно наказывают, вот и возмущаемся.

— Надо подчиняться всем приказам и распоряжениям и их исполнять. Тогда все будет хорошо. Как видите, все очень просто, Ильин.

Неожиданная эта перепалка начала надоедать Иволгину.

— Вы не ответили на мой вопрос, Ильин. Почему работаете здесь, а не в гидросмыве?

— Это я его снял оттуда, Анатолий Никодимович. Людей не хватает,— вмешался Телегин.

— Ну смотри, дело твое. Да... Михаил Егорович, все хочу спросить: Лебедев так и не появился на работе?

— Нет.

— Очухаться, наверное, не может после вытрезвителя? Конечно, какая уж тут работа.

— Лебедев в больнице, Анатолий Никодимович.

— В больнице? — переспросил Иволгин.— А что случилось?

— Попал под машину.

— Серьезно травмировался?

— Да. Находится в тяжелом состоянии.

Сообщение Телегина было неожиданным для Иволгина. Он долго молчал, о чем-то размышляя.

— Ну ладно,— наконец проговорил он.— Работайте, а если нужен буду, то я на стане.

Иволгин быстро пошел с площадки, но его окликнул Сергей.

— Подожди, Анатолий Никодимович. Есть разговор.

— Чего тебе? — остановился Иволгин.

Они с Сергеем давно уже не встречались и не разговаривали, как раньше. То дружеское земляческое отношение, которое было между ними долгие годы, как-то незаметно исчезло, и бог знает, кто виноват, что так случилось. Во всяком случае, Иволгин считал виновным в этом Сергея...

— Я хотел просить тебя пересмотреть решение о наказании Лебедева и Ильина.

Иволгин иронично усмехнулся.

— Еще один защитник нашелся. Да ты кто такой-то?

— Просто рабочий,— спокойно ответил Сергей.

— Вот и работай, а не в свои дела не вмешивайся,— раздраженно сказал Иволгин.

— Я профорг бригады, и это мое дело, — твердо произнес Сергей. — Ребята просили меня помочь им, и я это сделаю.

— Ты же потакаешь нарушителям производственной дисциплины. Разве это можно прощать!?

— Но ты первым нарушил закон о труде, когда послал их на нижеоплачиваемую работу.

— Наш конфликт выносился на цеховую комиссию по трудовым спорам.

— Ты же знаешь, что комиссия решения по этому делу никакого не приняла. Администрация за тебя, профсоюз за рабочих.

— А я-то при чем тогда, если комиссия ничего не решила? — искренне удивился Иволгин.

— А при том, что ребята были у заводского юриста, и тот им разъяснил, что они правы, что ты нарушил закон. Поэтому, пока не поздно, нужно отменить распоряжение.

— Нет, я этого не сделаю. Это будет дурным примером для других.

— Боишься потерять авторитет, — усмехнулся Сергей. — Дело твое. Но я предупреждаю, что завтра иду к начальнику цеха для разговора по этому делу.

Сергей повернулся и отошел от Иволгина. Его сразу окружили ребята.

— Ну, чего поговорили? — нетерпеливо спросил Колька.

— Не соглашается он на отмену распоряжения. Считает себя правым.

— Ну и пусть считает.

Галухин похлопал Кольку по плечу и назидательно, полусерьезно произнес:

— Я тебе, Коля, сколько раз уже толковал: если начальник говорит, что Волга впадает в Черное море, отвечай — виноват, не заметил.

— Да иди ты!.. — неожиданно зло огрызнулся Колька, — отвечай сам так, а мы этого не проходили. У тебя Волга давно в Белое море течет... Егорыч, — спросил он Телегина, — а что с Витькой?

— В больнице он. Я позвонил сперва в вытрезвитель. Там сказали, что его выпустили рано утром домой. Дома его не оказалось, я посыпал к нему. Звонил в милицию — и там его не было. Нашел след в «Скорой помощи». Сказали, что оказывали помощь сегодня ут-

ром человеку с такой фамилией после автоаварии. Он был без сознания, фамилию узнали по пропуску. Отправлен в тяжелом состоянии в заводскую больницу.

— Вот это дела,— не сразу произнес Сергей.— Я сегодня туда схожу к нему.

— Не надо сегодня. К нему все равно не пустят, я узнавал. Сделаем так... Сегодня сходи в автоинспекцию, в вытрезвитель и выясни там подробности этой странной истории. Я тебя пораньше отпущу.

— А здесь кто за меня будет?

— Я сам. Думаю, что справимся. Ну а теперь за работу, братцы. Время идет, а у вас вроде перекур затянулся.

IV

Сергей так и сделал, как советовал ему Телегин. Побывав сперва в автоинспекции, он попытался узнать подробности случившегося утром происшествия. Ему сказали, что шофер самосвала, который сбил Виктора, не виноват, и во всем обвиняли самого пострадавшего. Так что вся история показалась Сергею еще более странной. Оставалось зайти в вытрезвитель, и Сергей направился туда. Это учреждение находилось в старой части города, которая отделилась от новой широким бульваром и разбитым на месте старого городского кладбища огромным сквером с беседками для отдыха, большим фонтаном и синим дощатым павильоном, известным среди жителей под названием «Голубой Дунай».

По правде говоря, Сергею не очень нравился этот город. Он все еще не мог привыкнуть к унылому и казенному однообразию его улиц с похожими друг на друга коробками домов, с вечной толчей на автобусных остановках и таким же вечным облаком грязного дыма от мартеновских печей в голубом небе.

Как-то Сергею пришлось побывать в одном северном городе, где все было из дерева: и дома, и тротуары. Даже проезжая часть улиц была покрыта опилками, а на телефонных столбах висели таблички, запрещающие курение на улице.

Здесь же, в городе металлургов и строителей, царствовали камень и железо. Даже вот этот зеленый городской сквер был обнесен высоким железным забором из толстых прутьев трехметрового роста, будто

кто-то испугался, что молодые деревца убегут из сквера на бетонные серые улицы города. За эту ограду отцы города в свое время получили «крокодильскую» шпильку, но забор стоит до сих пор.

А вот старая часть города Сергею была по душе. Это место напоминало его районный городишко с такими же неширокими улочками в густой зелени тополей и акаций вдоль тротуаров, с палисадниками перед окнами с резными наличниками. Здесь всегда было тихо, но город, новый, чужой, наступал и сюда. Надо сказать, что вел он свое наступление умело. Вначале посреди небольшого квартала деревянных домишек вырастал один многоэтажный кирпичный детина и сперва казался здесь чем-то чужеродным. Людям давали привыкнуть к новому соседу, и когда деревянные домишкы начинали казаться уродливыми рядом с этим великаном, вокруг него вырастали десятки каменных собратьев-близнецов.

Старому городу грозило исчезновение, и, как прочитал Сергей в местной городской газете, только Воскресенскую улицу, ведущую к реке и бывшую когда-то главной в городе, предполагалось оставить как музейный экспонат.

На ней-то, в глубине одного из дворов и находился медвытрезвитель — небольшое и старое одноэтажное здание.

Войдя в дом с невысокого крыльца, Сергей очутился в широком, но небольшом коридоре. Оглянувшись, он увидел у окна, почти напротив двери, стол, за которым сидел молодой светловолосый лейтенант милиции. Перед ним по другую сторону стола чуть наискось на краешке стула сидел небритый мужчина, очевидно, «клиент» вытрезвителя. Рослый милиционер, сержант, стоял тут же возле стола.

Когда Сергей вошел, все трое обернулись к нему, а сержант подошел и, козырнув, спросил, что ему нужно. Сергей объяснил. Сержант попросил подождать, пока лейтенант не освободится, и показал на стул.

Лейтенант между тем кончил писать и пристально глянул на сидевшего перед ним «клиента», который низко опустил голову и нервно перебирал в руках серую кепку.

Он нерешительно взглянул на лейтенанта.

— Можно идти? — тихо спросил он.

— Иди, иди.

— До свидания.

— Только не здесь, Соболев, только не здесь.

Когда за Соболевым хлопнула дверь, лейтенант закрыл журнал, убрал в стол бумаги, потер рукой лоб, будто вспоминая что-то, и только тогда посмотрел на Сергея.

— Вы ко мне?

— Да, наверное... — ответил Сергей, встав со стула. — Товарищ мой, говорят, тут у вас ночевал сегодня. Мы из одной бригады.

— Раз говорят — зря не скажут, — усмехнулся лейтенант. — Вы где работаете?

— На металлургическом.

Лейтенант живо и заинтересованно глянул на Сергея:

— Из какого цеха?

— Из второго прокатного.

— Ну! — воскликнул лейтенант. — Так ведь я там работал! Гидравликом на первом мелкосортном стане. Правда, давненько. Так что мы почти земляки... Басов Николай, — протянул он руку и пригласил Сергея в одну из комнат.

— Я здесь замполитом. — Басов предложил Сергею садиться и, бросив журнал для записей на стол, сам сел рядом. — Расскажи, как у нас там жизнь-то идет?

Лейтенант, и верно, разговаривал с Сергеем, как с близким человеком или земляком, только что прибывшим из родных, всегда желанных мест, где ему самому придется побывать бог весть когда...

— Работаем, — ответил Сергей. — Все так же вроде у нас.

Лейтенант Басов поднялся и подошел к столу.

— Так как фамилия твоего дружка? — спросил он Сергея.

— Лебедев... Виктор.

— Сейчас, сейчас... — листал Басов журнал записей. — Да, вот был такой. Утром выпущен. А что ты хотел узнать?

— Дело в том, — заговорил Сергей, — что Лебедев сегодня не вышел на работу. Стало известно, что он у вас ночевал. Пошли к нему домой, там его не оказалось. Нашли его в больнице. Выяснилось, что попал под машину.

— А мы-то здесь при чем? — удивленно спросил лейтенант.

— Под машину Виктор попал, выйдя отсюда. Вот я и хочу узнать у вас: в каком состоянии он здесь был. Ну, может, говорил чего-нибудь, или еще что?

— Утром мы его выпустили, — начал вспоминать лейтенант. — Вел себя тихо, не кричал, не боялся. Только вот мрачен и угрюм был, так это точно. Все время в пол глядел. Это мне в глаза бросилось... Слушай, а ты в ГАИ был?

— Только что оттуда, — сказал Сергей, — там при разборе аварии выяснилось, что шофер грузовика не виноват. Он даже, говорят, успел немножко вывернуть и только сбил Витьку. Не сделай он этого, Витька был бы под колесами... Понимаете, получается, что Лебедев сам под машину бросился...

V

Зинаиду Порфириевну долго ждать не пришлось. Не успела Прасковья вскипятить чайник, как в прихожей раздался негромкий звонок.

Увидев друг друга, женщины заплакали, обнялись и долго так стояли, всхлипывая и вздыхая.

— Ну ладно, ладно, что это мы? — первой очнулась Прасковья, утирая мокрые щеки. — Вот и опять свиделись, Зинушка.

— Я уж и не надеялась, Паша, — тихо проговорила Зинаида Порфириевна. — Спасибо тебе.

— Ну что ты, Зинушка, — весело сказала Прасковья, приглашая подругу в комнату, — мы еще поживем. Проходи-ка лучше. Я чай изладила. Сейчас пить будем.

Бывшие деревенские соседки не виделись давно — с тех пор как Порфириевна, продав свой дом, уехала к сыну в город. Поэтому ее вопросам к Прасковье, пока та собирала в комнате на стол, не было конца. Она даже и чай-то пила мало и после второй чашки положила ее боком на блюдце.

— Да ты что, Зинушка, мало-то? — удивилась Прасковья. — Пей-ка на здоровье.

— Спасибо, Паша. Я вроде уже и напилась.

— Ладно, ладно... Еще чашечку не повредит, — уговаривала подругу Прасковья.

Она тоже была рада встрече. Да и как ей было не радоваться, если с самого детства росли они с Зинаидой рядом. И в будни деревенские и в праздники всегда были вместе. Ей даже сейчас на миг показалось, что сидят они с Порфириевной за столом в большой половине ее деревенского дома.

— Эх, Порфириевна,— вздохнула Прасковья.— Были бы мы с тобой сейчас там, у нас, так обязательно самоварчик бы поставили... А это что — разве чай? Я сама, когда в городе бываю, много пить не могу. А дома мы с батьком почти весь самовар усидим.

— Что и говорить — вкус не тот,— кивнула Порфириевна.

— Не тот, не тот,— продолжала Прасковья.— Здесь куда-то все спешат. Вот, поди, поэтому и перешли на чайники, чтобы побыстрее жить-то. Теперь эдак и в селе у нас начинают, милая моя. Газу в дома направо-дили из баллонов. А на нем что: раз — и мигом все готово. Самовар-то уж редко ставят теперь. Мой вот сейчас тоже газовую плитку ладит.

Прасковья имела в виду мужа своего Федора, и Порфириевна спросила:

— Как хоть у самого-то здоровье? Как живет-может Федор Андреич?

Прасковья махнула рукой.

— Ой, не знаю, что тебе и сказать, подруга. С моим теперь одна беда. Не знаю прямо, что и сделалось. Как только на пенсию вышел, будто подменили мужика. Хлебом не корми, милая,— дай поездить. То к Мишухе в Архангельск, то к Татьяне в Свердловск, то к Нинке в Симферополь, то к Сережке сюда. Дома и месяца усидеть не может. Одни встречи да проводы. Не жизнь, а сплошной праздник.

— Ну, так ведь он такую жизнь заслужил на войне да на работе. И ребят вон сколько вырастили. Живи да радуйся.

— Заслужить-то, может, и заслужил,— согласилась Прасковья,— да когда уедет, ведь дома-то дела не делаются. А появится, так все дни у телевизора сидит. Что за мужик, когда дома хозяйство рушится. На крышу, милая, не могу загнать: перекрывать давно пора. Коровенку недавно и ту продавать удумал. Проживем, говорит, так. Молоко на ферме собирается покупать.

— Ну, насчет коровы-то он, конечно, зря,— поддержала Прасковью Зинаида.

— Я и говорю. Ведь не для себя и живем-то. Ребята каждое лето к нам приезжают. Тут им и молоко, и творог, и сметана.

Сказать по правде, содержать корову Прасковье было с каждым годом все труднее и труднее. Один сено-кос сколько сил выматывал. Но она, как ни было трудно, представить себе не могла свое хозяйство без коровы. Ну, а ради внуков, каждое лето приезжающих в деревню, готова была терпеть и трудности эти.

— Да ты особо-то не расстраивайся из-за своего Федора. Вот наездится, нагуляется и надоест, может, ему это,— попыталась успокоить Прасковью Зинаида Порфирьевна.

— Ой, не знаю, не знаю... Да что это мы все о нас да о нас? — вдруг спохватилась Прасковья.— Ты о себе-то так ничего пока и не рассказала, о своей-то жизни...

— Лучше и не спрашивай, Паша,— ответила Порфирьевна и, помолчав, добавила, вздохнув: — Не прижилась я тут, нет... не прижилась... Я уж никому не говорю об этом. И тебе не хотела. Стыдно мне: ведь у родного сына живу, Пашенька...

Порфирьевна заплакала.

— Да что это они, непутевые? — Прасковья тоже утирала глаза платком.— Чем ты им не угодила?

— Сама не знаю... — немного успокоившись, начала Зинаида Порфирьевна.— Когда Анатолий женился, то написал мне: продавай, мол, дом и все хозяйство... Ой, да ты ведь все это сама хорошо помнишь, как было. Ну, приехала я сюда. Все тут не так, не по-нашему. Долго привыкнуть не могла, но потом ничего, обвыкла. С внуком нянчилась, в ясли и садик его водила. Им-то самим, понятно, некогда было: Анатолий по сменам работал, Тамара была на службе.

— Где она работает-то? — спросила Прасковья.

— В заводоуправлении... в конторе заводской.

— Так, так.

— Вот, значит, прожила я у них по-хорошему, пока Валерка в школу не пошел. Я его и провожала и встречала сперва-то. А теперь вот он повзрослев стал — и не нужна я им больше. Сношенька чего-то меня невзлюбила. Она и раньше меня особо-то не жаловала, а

тут вдруг совсем возненавидела. То ли какую давнишнюю обиду таила до поры, то ли я ей сейчас чем не угодила, я не знаю. Только невмоготу мне стало. Она и не разговаривает со мной даже.

— А сынок-то что же? — опять спросила Прасковья.

— Да он и дома-то почти не бывает, — продолжала свой рассказ Зинаида, — всё на работе допоздна. А так молчит он. Она и раньше слова ему сказать не давала, а теперь он и совсем молчит... Короче говоря, не нужна я им стала, мешаю... Вот и решила я, Пашенька, уйти от них. Тут старушка знакомая одна в квартире живет, меня давно приглашает. Я давно хотела это сделать, да боялась, что на работе у Анатолия неприятности будут. А сейчас решилась...

Прасковья внимательно слушала Иволгину, участливо охала и кивала головой, но последние слова Зинаиды Порфириевны ей не понравились.

— Да чего ты удумала-то? — заговорила Прасковья. — Зачем тебе в таком разе в городе-то оставаться? Только душу травить. Мимо дома ихнего ходить будешь, а зайти не зайдешь. Поезжай-ко лучше опять в деревню.

— Так ведь у меня там ничего не осталось, — сказала Порфириевна.

— Люди-то остались, — убеждала подругу Прасковья. — Вон у нас Марья Травкина одна живет. У нее и поселиться можно. Я вот скоро обратно поеду, так тебя и заберу с собой...

Прасковья еще что-то хотела сказать Порфириевне, но из прихожей послышался щелчок дверного замка, и в комнате появился Сергей. Прасковья обрадованно поднялась навстречу сыну.

— Как ты тут с самого утра одна-то? — обнимая мать и здороваясь с Порфириевной, спросил Сергей. — Не соскучилась?

— А чего скучать-то, — ответила Прасковья, — пока чай приготовила, потом вот Зинушка пришла. Сидим с ней, толкуем. Давно не виделись. А ты что рано-то? Света сказала, что ты часа в четыре придешь.

— Меня пораньше отпустили по делу.

Сергей сел к столу, а Порфириевна вдруг засобиралась домой и, как ни уговаривали ее Сергей с Прасковьей еще посидеть, не осталась, пообещав прийти се-

годня еще раз и пригласив Прасковью вечерком побывать у нее.

Проводив Иволгину, Прасковья вернулась в комнату, охая и вздыхая.

— Ну и Толька, ну и Толька! — говорила она, сокрущенно размахивая руками.— И не подумаешь ведь. Такой парень раньше душевный был... Вот как бабы-то вас крутят! О матери родной забываете.

Прасковья стояла у стола перед Сергеем и смотрела на него сверху вниз.

— А что случилось, мама? — не поняв, спросил Сергей.

— Да ведь Порфириевне-то дома жизни не дают. Уходит она от них.

— Уходит? — удивился Сергей,— впервые слышу.

Прасковья присела за стол напротив сына.

— Довели старуху,— говорила Прасковья как бы про себя.— Я ведь ей, еще когда молодые были, толковала, что мало им с Никодимом одного ребенка. Не понашему это, не по-русски. Нет, не послушалась... Ах, Зина, Зина...

— Куда же она уйдет? — спросил Сергей.— У нее никого, кроме Тольки, нет.

— Опять в деревню поедет. Со мной...

— А там?

— А там не пропадет. На родной земле будет.

— И давно это у них началось?

— Вам об этом лучше знать. Рядом живете.

Сергей усмехнулся.

— Я не знаю, что мой сосед по площадке делает, хоть и живем через стенку... А мы к Иволгинам не ходим уже давно.

Прасковья покачала головой. Она никак не могла понять этой городской, совершенно для нее чужой жизни, когда и в толпе человек чувствует себя одиноким.

— Все вместе, а врозь... Ничего не поймешь. Не дай бог до такого дожить. Ой, что я заговорилась-то. Ты, поди, поесть хочешь? Пойдем-ко на кухню,— обратилась она к сыну.

— Нет, мама, я на заводе пообедал. Забежал вот только тебя проводать. Мне в больницу надо. Друг у меня туда попал сегодня. Надо узнать, как он там.

— Что с ним?

— Под машину попал.

— О господи... Жив-то будет?

— Жив.

— Ну и слава богу... Ты хоть чайку-то попей.

Прасковья налила Сергею в чашку заварки и кипятку.

— Чую попью, а ты давай рассказывай, как там у нас в Бору дела? Как батя? Как доехала?

— Доехала хорошо,— не спеша начала Прасковья.— До станции Венька Смирнов на мотоцикле довез. У него с коляской. Сюда на нашем местном поезде ехала. На ленинградский билетов не было. А дома... Дома как всегда. Не знаю, сынок, что тебе рассказывать...

— Кто в деревне-то сейчас остался? — спросил Сергей.

— Генка Самылов недавно в Ульяново переехал. Колхоз ему и дом перевез. Остались в деревне только мы с батьком, Марья Травкина да две старухи Козловы.

— Вам бы тоже надо переезжать. Тяжело там однин, наверно?

Уж не первый год и в письмах и при встречах Сергей и другие дети советовали старикам переезжать в село, как многие сейчас делали. Но те не соглашались, хотя вроде и доводы были веские: в магазин ходить далеко, а случись какая болезнь — медпункт тоже в селе.

— Да не очень уж и тяжело. Разве только зимой потруднее. Куда мы со своего места поедем? Нет уж, доживать на родине мы с батьком будем.

Прасковья расстраивалась из-за того, что у Сергея и Светланы не было детей. Она и сыну сегодня утром хотела сказать об этом, да как-то не посмела.

Сергей встал из-за стола. Ему тоже не хотелось сейчас говорить об этом.

— Не сердись, мама.

— Ладно, ладно... Да мне что надо-то, сынок. Жили бы вы да и все люди подобру да поздорову — вот и ладно. Ничего не надо больше. Пошел, что ли?

...Да, в его жизни в этом городе поначалу сложилось не все так, как хотелось бы, как мечтал и расчитывал он. И те прошлые неувязки сказываются до сих пор.

Сергей обнял мать за плечи.

— Надо, мама. Ты уж прости, что опять оставляю одну. Я приду часа через два.

— Иди, иди, раз такое дело. А завтра ты тоже утром работаешь?

— С утра. Еще три дня, а там и выходной. Завтра ремонт заканчиваем. Дел много будет. Ну, пошел я.

Прасковья проводила сына до дверей, а возвратившись в комнату, села за стол и, подперев голову руками, долго сидела о чем-то размышляя. Потом стала прибирать на столе.

VI

Вернувшись из больницы, Сергей застал дома одну Светлану, которая гладила белье на столе, покрытом тонким байковым одеялом.

— А где мать? — спросил Сергей.

Светлана ответила не сразу и не очень дружелюбно:

— Приходила Иволгина... Ушли гулять...

— Когда?

— Только что... — будто через силу опять ответила Светлана.

...Сергей давно уже почувствовал, что между ним и женой витает легкий холодок отчуждения. Откуда это началось, Сергей не знал, хотя и много думал об этом: слишком часто они стали ссориться из-за пустяков, мимо которых раньше проходили бы спокойно. Понимал он только, что долго продолжаться так не может, и Сергей ждал случая, чтобы поговорить с женой...

— Ты сегодня в ночную идешь? — спросил он, сядясь у стола, но, видя, что Светлана не намерена отвечать, переспросил снова. — Ты почему молчишь? Я спрашиваю: ты сегодня в ночную смену на работу?

— Будто не знаешь? — с усмешкой ответила Светлана.

— Я спросил потому, что хочу услышать, как звучит твой голос. Второй день молчишь — ни слова, ни пол слова. Может, объяснишь, в чем дело?

— Сам должен знать, — не глядя на мужа, проговорила Светлана.

— Откуда я знаю, что у тебя на уме? Что я тебе — Вольф Мессинг?

— Когда оскорбляешь, так всегда знаешь, что сказать.

— Я тебя оскорбил!? — удивился Сергей.— И в мыслях не было. Когда? Где?

Сергей и вправду ничего такого не помнил и сейчас, в который уже раз, подумал о женской способности запоминать даже мелкие детали семейных разговоров, а потом в нужный момент превращать их в самые главные.

— Позавчера на кухне...— напомнила Светлана.

— Что-то не припомню никакого оскорблений.

— Где уж тебе...— заговорила Светлана, чуть не плача.

— Подожди, подожди,— остановил Сергей жену.— Так... Я пришел с работы, умылся, прошел на кухню... Здесь я тебе сказал, что сковородку с картошкой нельзя ставить на мою книгу, которую я взял в библиотеке.

— Так просто и сказал?

Светлана перестала гладить и в упор смотрела на Сергея.

— Ну... сказал, что у тебя ума нет...— ответил тот.

Светлана развела руками.

— Если ума нет, так выходит, что я дура... Ну так вот и ищи себе умную и живи с ней.

Сергей помолчал.

— Прости, я нагрубил тебе,— сказал он.— Но я пришел тогда с работы злой, как бес, а тут еще эта сковородка на книге.

— Я спешила. Что под руку попало, на то и поставила. А если книга редкая, то ее место не на кухне.

— Верно,— согласился Сергей.— Это моя вина. Но и тебе надо смотреть. Ты тут, конечно, не права.

— Я всегда права,— с убеждением произнесла Светлана.

Сергей встал со стула. Разговор не получался.

— Прекрасно... Только я попросил бы, чтобы ты свою правоту мне при матери не доказывала.

— Я наоборот все ей про тебя скажу.

— Чего ты этим добьешься?

— А пусть знает, какой у нее сынок.

— Я ей сын, конечно, только далеко уже не мальчик и у меня свои мозги есть.

— А есть ли?

Сергей засмеялся.

— Во! Один — один! Выходит, что мы квиты... И вообще, мелочь все это, Свет.

Сергей подошел к жене и попытался ее обнять, но Светлана его отстранила.

— Отойди... Для тебя, может, и мелочь, а для меня нет...

В прихожей раздался звонок. Сергей пошел отворять двери. Тотчас же оттуда послышались громкие голоса, и он вернулся в комнату в сопровождении веселой и шумной компании. Светлана увидела Галухина с женой Галиной, Кольку Ильина и Нину.

Галухин подошел к Светлане:

— Привет, Груздевы! Разрешите к вам ворваться,— заговорил он, здороваясь со Светланой.

— Проходите, проходите,— пригласила Светлана.

Все эти люди давным-давно были знакомы Светлане, и она даже обрадовалась, что они зашли к ним именно сейчас, хотя еще минуту назад она и не думала об этом.

— Мы, может, не вовремя? — заговорила Галина, помогая Светлане убрать со стола.— Тебе, Свет, ведь сегодня на работу в ночь.

— Я днем спала,— ответила Светлана.— Перед сменой еще прилягу. Время есть.

— А мы гуляли по улице,— начала объяснять Галина их появление здесь,— да вот этот затащил к вам...

И Галина хлопнула по спине мужа.

— Ну и правильно сделал, дядя Ваня. Сейчас чай будем пить,— сказала Светлана и стала собирать на стол.

— Я всегда все правильно делаю,— садясь на диван, проговорил Галухин и тоже стал объяснять Сергею: — А мы с мамой идем так это неходко. Вдруг видим, как эти два голубка нам навстречу топают. Вот и решили к вам зайти.

Галухин глянул на сидевших рядом Кольку и Нину и продолжал:

— Смотрю я на них, Серега, и кажется мне, что они пришли к согласию... Так, что ли, ребята?

— Да, мы согласные,— ответила Галухину Нина.

— Вроде так,— подтвердил Колька.

Галухин, довольно улыбающийся, сейчас был похож на счастливого отца, дети которого не обманули его надежд.

— Ну и молодцы тогда. Все, значит, хорошо...

Только теперь, Коля, тебе придется каждый день бриться.

— Перестань,— осадила мужа Галина.

Все стали усаживаться за стол, кроме Светланы, хлопотавшей на кухне. Сергей разлил вино.

— Держите,— предложил он.

— А Света? Где хозяйка? — запротестовал Галухин.

— Ей на работу,— сказал Сергей.

— А-а, ну тогда поехали,— согласился Галухин и обратился к Нине с Колькой: — Так я за вас, ребята, за согласие ваше. Чтобы как сегодня, так и всю жизнь.

— Спасибо, Андреич,— поблагодарили его ребята,— спасибо вам всем.

Галухин снял висевшую на стене гитару и передал Галине. Та, перебирая струны, настроила ее и кивнула подругам.

— Нина, Света, помогайте...

Галина запела первая...

Тихо, тихо к бережку катится волна,
Тает, словно льдиночка, на небе луна.
И до белых камушков прояснилось дно,
Где упало на воду светлое окно.

Сяду, сяду в лодочку, подниму весло,
Чтоб меня по реченьке-речке понесло.
В тишине полуночной пропадет мой след,
Я направлю лодочку на знакомый свет...

Женщины пели негромко и слаженно. Голоса их, будто нити кружева, переплетались в незатейливом, но красивом рисунке...

К свету тихо выплыву, встану помолчу.
Еле слышно милому просью прошепчу:
«Будь мне добрым солнышком на моем пути,
И меня до донышка тоже просвети.

Просвети до донышка — и увидишь сам,
Камень вместо камушка поселился там.
Горько с ним и тяжко, ох... Лишь тебе решать,
Быть ли ему убрану или век лежать...

— Спасибо, девушки, спасибо...— первым после некоторого молчания заговорил Галухин, когда песня кончилась, и обернулся к Кольке.— Вот о чем я сей-

час подумал, друг мой. Помнишь, как ты сегодня мне загадки загадывал?

— Ну, загадывал,— подтвердил Колька, стараясь понять, куда клонит Андреич.

— А хочешь, я тебе сейчас загадку загадаю?

— Валяй, тятя,— согласился Колька.

— А вот скажи мне: как ты думаешь — на чем свет стоит?

Колька засмеялся.

— Как это? Ну... наверное, на столбах небесных... Галухин похлопал Кольку по плечу.

— Э-эх... да. Верно люди говорят: ученье — свет, а неученых — тьма... На нас, Коля, свет-то стоит, на таких, как мы... на женах наших! Вот на этих руках и плечах наших, понял?..

Мужчины вышли на балкон, а женщинам Светлана предложила чаю.

— Ты, Света, вроде не в настроении сегодня? — заметила Галина.

— Устаю в эти смены... И с Сережкой опять...

— Поссорились?

— Ага...

Галина подсела к Светлане, обняла ее за плечи.

— Да что вы, ребята! Разве можно так жить. Ведь вы из ссор не вылезаете.

— Все из-за него.

— Почему? — удивилась Галина.

— Грубый он, невнимательный.

— Не могу поверить. На работе его любят. У него и душа-то, по-моему, за каждого болит.

— За каждого, да только не за меня,— обиженно заговорила Светлана.— Вот недавно пригласили нас в одну компанию, и я не пошла.

— А почему?

— А я бывала уже, так знаю, что там только и разговоров что о работе да о работе. Только слышишь: валки, заготовки, клети, план. Надоело.

— А ты бы потерпела.

— Это почему же я должна терпеть?

— Да потому, что ты не одна идешь, а с мужем,— убеждала Галина Светлану.— Вы вдвоем в гости идете.

— Он один ушел.

— А ты думала, что он не пойдет,— усмехнулась Галина.— Представь, что потом бы его спросили: че-

го, мол, не приходили? А он бы и ответил: жена не пошла и меня не пустила.

— Все равно он грубый со мной бывает,— стояла на своем Светлана.

— Ну хорошо, допустим,— согласилась Галина.— Хотя и не верится. А ты сама-то сделала что-нибудь, чтобы он другим был?

— Вот еще. Чего это я буду делать?

— Эх, ребята,— вздохнула Галина.— Не щадите вы, на бережете друг друга. Будто жить вам целую вечность.

Светлана прижалась к Галине.

— Хорошо тебе, тетя Галя. Сколько лет вас знаю и не видела, чтобы вы с дядей Ваней ругались.

— Да. Мне хорошо с ним.

— Вот и открой нам с Ниной секрет: как прожить с мужем без ссор?

Галина взглянула на обеих подруг, будто и вправду намеревалась открыть им какой-то секрет и сейчас прикидывала — достойны ли они этого.

— Все очень просто, девочки... Я никогда не пыталась мужа своего перевоспитывать... За какого вышла — с таким и живу.

— Дядя Ваня у тебя хороший,— сказала Нина, сидевшая все это время молча.

— Разный он. Такой же, как и все. Замечала я часто: в девках все недостатки у парня терпят. Как только замуж вышли, начинают делать из мужа что-то непонятное, по своему проекту. Начинают перевоспитывать человека старше себя... Отсюда и начинается беда...

— Не знаю, что делать,— вздохнула Светлана.

— Я бы таким мужем, как твой Сережка, гордилась,— сказала Галина.— А тебе, милая моя, девочка надо рожать. И чем быстрее, тем лучше.

— Да я уже думала об этом. И Сережка то же самое говорит.

— Правильно говорит. Потому что...

Договорить Галине не дали мужчины, возвратившиеся в комнату с балкона.

— Ну как, девушки, дела? — спросил Галухин и толкнул в бок Сергея.— Похоже, что у них тут без нас профсоюзное собрание было.

— Вроде этого,— сказала Нина.

— И о чём же вы толковали, интересно бы нам знать.

— Да все о вас, мужчинах.

— Так, так... Ну и что вы решили с нами сделать? — поинтересовался Галухин.

— Что с вами сделаешь, — ответила Нина. — Живите уж, ладно.

— Вот это да. Вот за это спасибо, — поклонился женщинам Сергей. — Слышишь, Андреич, нам сохраняют жизнь.

Галухин засмеялся.

— Да, но что это будет за жизнь. Представляю: пить будем только чай, и то не крепкий, молоко и кефир. С работы — прямо домой. И все, и не ругай меня, мама.

— Ну и портрет нарисовал. Прямо ангельский, — сказала Галина.

— А-а, вы и у ангела изъян найдете. Все равно чем-то будете недовольны.

— И главное, что они всегда правы, — вставил Колька.

— Но мы их все равно любим и без них не можем, так же, как и они без нас, если честно. А посему я предлагаю, братцы, выпить сейчас за наших милых дам. Тем более что, как сказал один мой друг поэт: да, бабы, брат, большая сила, им власть огромная дана. Понял мысль?

Колька взмахнул руками.

— Ну как не понять.

Галина подошла к мужу.

— Собирался бы ты домой, мыслитель, — сказала она ему и повернулась к Сергею. — А ты, Сережа, к Вите Лебедеву в больницу ходил?

— Ходил.

— Ну и как он там?

— Сложное у него дело. К нему все еще не пускают.

— Значит, все еще ничего не прояснилось?

— Пока нет...

Случай с Виктором волновал всех его друзей. Сергей теперь твердо был уверен, что Виктор каким-то образом сам пошел под машину. Но он пока никому не говорил об этом, решив без посторонней помощи выяснить до конца причины случившегося с другом

несчастья. Начинать надо было с квартиры Виктора, и Сергей рассчитывал сегодня сходить туда, поговорить с женой его Зоей.

— Ну, пора,— засобирался Галухин.— Спасибо, хозяева.

Все стали прощаться. Сергей пошел проводить гостей, пообещав Светлане тотчас же вернуться.

VII

Василий Кузьмич Балашов на новой должности начальника прокатного цеха чувствовал себя и впрямь не совсем ловко. По правде говоря, для него самого назначение было несколько неожиданным. Работал он начальником смены в цехе, отвечал за бесперебойную подачу металла к нагревательным печам прокатных станов, следил за своевременной отгрузкой потребителям готового проката и не помышлял о большем.

Прокатку он знал, можно сказать, отлично, давно изучил особенности всех четырех станов цеха и мог в любое время с закрытыми глазами представить, что делается на каждом из них. Знал он и людей, работающих на прокатных станах. Правда, с этой стороной дела была своя сложность. Людей-то он действительно знал, но каждого на его рабочем месте, а тут, особенно в приемные дни, ему приходилось сталкиваться с человеческими характерами во всем их великом многообразии, даже разбираться в семейных неурядицах. Все это было для Балашова не только ново, но и интересно, и он постепенно привыкал к своему положению.

Не мог Василий Кузьмич привыкнуть только к тому, что у него не стало хватать на все времени. Он вдруг открыл для себя, что ему почти ежедневно надо быть на разных совещаниях, собраниях, планерках, рапортах, в цехе, в заведоуправлении, в городе. Будто люди решили переговорить друг друга и теперь не могут ни остановиться, ни наговориться. Сам по натуре малоразговорчивый, Василий Кузьмич с трудом высиживал на частых и длинных совещаниях, считая часы, проведенные на них, пустой тратой времени, нужного работе, хотя и понимал, конечно, необходимость и полезность деловых рабочих собраний.

Бот и сегодня, когда еще в разгаре ремонт второ-

го стана и не закончена работа утренней смены, а ему скоро уже надо ехать к директору завода на совещание по качеству. На утреннем докладе по селектору он хотел было отговориться обилием собственных цеховых забот и послать вместо себя своего заместителя Фофанова, но директор не согласился и приказал явиться ему как начинаяющему руководителю, обязанному знать все...

Балашов сидел за своим огромным столом и переносил в свою записную книжку из рапортички техотдела данные по качеству всех сортов и профилей металла, выпускаемого цехом в последний квартал.

Закончив писать, он глянул на часы и решил узнатъ, как идет работа на станах. Балашов повернулся вместе со стулом к селектору, стоящему рядом на отдельном столе слева. Включив его, он вызвал на связь главный пост первого стана.

— Первый стан, ответь! У микрофона начальник цеха... — громко проговорил Балашов.

— Да, слушаю, — ответил из селектора глуховатый и неторопливый мужской голос.

«Николай Иванович Быстров», — узнал Василий Кузьмич главного оператора первого стана, одного из ветеранов цеха.

— Николай Иванович, как там у вас дела идут? — спросил Балашов.

— За седьмой час — сто тонн, Василий Кузьмич. Балашов сделал отметку на листке бумаги.

— Хорошо! Сменный график сделаете?

— Уже сделали. Последний час будем работать сверх графика.

— Молодцы! — Балашов довольный улыбнулся. — Надо бы и этот час в таком же темпе.

— Постараемся... — пообещал Быстров.

— Спасибо, — поблагодарил Балашов и переключился на третий стан.

— Третий стан слушает... Стоим, не работаем.

— А в чем дело? — с беспокойством спросил Балашов. — Что стряслось?

— Да ничего страшного, — успокоил голос из селектора. — Все нормально. Выкатали уголок, а сейчас переходим на прокатку нового профиля, на круг шестьдесят.

— А как с графиком?

— Думаю, что сделаем.

— Начальник стана там, у вас?

— Здесь. На перевалке.

— Помощь не нужна?

— Ну что вы. Дело обычное. Скоро уже клети закручивать будем.

— Хорошо. Спасибо.

Балашов выключил селектор и, повернувшись снова к столу, увидел, что у дверей кабинета стоит его секретарша.

— Да, да, Вера Семеновна, — проговорил Балашов, опять что-то записывая.

— Василий Кузьмич, к вам люди пришли. Хотят с вами говорить. Что им сказать?

Балашов глянул на часы.

— Вообще-то я готовлюсь к докладу на совещании у директора завода, но коли пришли, то скажите, что сейчас приму... Много?

— Нет, нет. Киселева Августа Михайловна из ОТК да со второго стана вальцовщик Груздев.

— Хорошо. Просите, — кивнул Балашов.

Он еще в первые дни установил правило пропускать к нему людей по личным вопросам в любые дни и часы, когда он не занят срочным делом...

Двери отворились, в кабинет вошла невысокая худощавая женщина и, поздоровавшись, нерешительно остановилась у порога. Балашов пригласил ее сесть.

— Спасибо... Я ведь всего на одну минуту забежала к вам.

— Ну так что же. Вот на минутку и присядьте.

— Я на смену иду, — объяснила Киселева. — Еще переодеться надо, дело у меня недолгое.

Балашов вышел из-за стола.

— Ну как хотите, — согласился он. — Так я вас слушаю, Августа Михайловна.

Киселева опять замялась в нерешительности.

— Не знаю, как и начать... В общем, дело вот в чем... Я через год на пенсию выхожу. Отработала свое... А совсем недавно получила ордер на квартиру. Очередь моя подошла.

— Ну что ж, поздравляю! Рад за вас, — сказал Балашов, все еще не понимая, зачем пришла к нему пожилая работница.

— Спасибо, — кивнула Августа Михайловна. —

Только я вот о чем подумала. Зачем мне одной сейчас эта квартира? И решила я отдать этот ордер, вот... моей напарнице Зине Ореховой. Она не так давно замуж вышла, а живут с мужем в разных общежитиях. Так зачем им маяться, думаю...

Киселева достала из сумочки документ и положила его на стол.

— Но всем молодым семьям наш цех скоро выделит комнаты в доме молодоженов, — удивленно произнес Балашов.

— Так это то же самое общежитие. Вот я туда и пойду вместо них. Год-то как-нибудь и проживу.

— Почему год?

— Так ведь когда на пенсию-то пойду, так что же мне здесь делать? Поеду к сестре. Она у меня на станции Погорелово живет, недалеко от города.

Балашов некоторое время ничего не говорил. Он прошелся вдоль длинного стола с ровными рядами стульев по сторонам. Постоял немного у окна и зачем-то раздвинул прозрачные занавески. Василий Кузьмич давно, хоть и не близко, знал Киселеву. Помнится, еще с той поры, когда работал старшим мастером на первом стане.

— Вы сколько лет в нашем цехе отработали, Августа Михайловна? — спросил Балашов.

— Восемнадцать, Василий Кузьмич...

— А где сейчас живете?

— На частной квартире так все время и живу.

— Одна?

— Одна... Муж в прошлом году умер...

— Вы это твердо решили, Августа Михайловна? — кивнул Балашов на ордер.

— Да-да. Только вот не знаю, можно ли так сделать. А, Василий Кузьмич?

— Видите ли, я сам впервые с таким делом сталкиваюсь. Надо поговорить в цехкоме, — ответил Балашов и только сейчас заметил, какие у этой женщины усталые глаза.

Киселева глядела на него просительно.

— Уж вы поговорите, Василий Кузьмич, будьте добры, — быстро заговорила она, будто боясь, что Балашов откажется. — А ордер я у вас оставлю. Уж вы сделайте так, как я прошу. Спасибо...

Не дожидаясь ответа, Киселева бесшумно вышла и

тихонько прикрыла за собой дверь, которая почти сразу же отворилась, едва Балашов сел за свой стол, и на пороге показался Сергей Груздев.

— Разрешите?

Балашов пригласил Сергея к своему столу.

— Чем могу служить? — спросил он.

— Я пришел к Вам, Василий Кузьмич, — начал Сергей, — по делу наших рабочих Ильина и Лебедева. Может, вы помните вчерашний разговор на сменно-встречном собрании?

— Это которые возмущались, что несправедливо наказаны? — переспросил Балашов и, когда Сергей кивнул утвердительно, продолжил: — А почему, собственно, они, и вы тоже, считаете, что с ними поступили несправедливо?

— Потому что на нижеоплачиваемую работу посыпать рабочих можно только с их согласия! — громче обычного сказал Сергей.

Он хотел было продолжать говорить и дальше, но Балашов, подняв руку, остановил его.

— Не горячитесь. Дело это произошло при моем предшественнике Костюмове, и я просто хочу знать суть дела. Вы можете кратко объяснить, что тогда произошло?

— Извините, Василий Кузьмич... Могу, конечно... В ту смену мы катали экспортные плавки. На увязку бунтов начальник стана приказал послать несколько технологов и слесарей, в том числе Ильина и Лебедева. Они не согласились с этим. Вот и все. Им объявили выговор и лишили годового вознаграждения. А это неверно. Это прямое нарушение двадцать пятой статьи кодекса законов о труде. Они были уже у заводского юриста, и он им так и разъяснил.

— Интересно... — проговорил Балашов и поднялся из-за стола.

Он подошел к полке с книгами и нашел среди них нужную.

— Какая, говорите, статья? — спросил он.

— Двадцать пятая.

Балашов неторопливо листал книгу.

— Минуточку... Двадцать пятая... так. Вот: «... перевод на другую работу на том же предприятии допускается только с согласия рабочего... за исключением случаев, предусмотренных в статьях двадцать шес-

той, двадцать седьмой...» Так... посмотрим двадцать шестую... «В случае производственной необходимости... администрация имеет право переводить рабочих...» Вот, видите, в случае производственной необходимости.

Балашов подошел к Сергею и протянул ему книгу.

— А вы дочитайте до конца статью-то, Василий Кузьмич, — посоветовал Сергей.

«...Такой перевод,— читал дальше Балашов,— допускается для предотвращения или ликвидации стихийного бедствия, производственной аварии...»

Балашов захлопнул книгу и положил ее на стол.

— Иволгин объясняет все это тем, — продолжал Сергей свой рассказ, — что на участке уборки не хватало людей увязывать экспортный металл. Но ведь в кодексе в статье двадцать восьмой и об этом говорится. Что в случае временного замещения отсутствующего работника не допускается перевод квалифицированных рабочих и служащих на неквалифицированные работы. А вы знаете, что более неквалифицированной черной работы, чем увязка вручную горячих бунтов проволоки-катанки, на нашем стане не найдешь.

Балашов улыбнулся:

— Знаю, знаю... Все верно. Только вы уж не добивайте меня своими знаниями кодекса законов о труде. А то получается, что рабочие знают его лучше, чем начальники... Мне все понятно в этом деле, кроме одного: почему Ильин и Лебедев не обратились до сих пор в суд, который давно уже поставил бы все на свои места?

— Понимаете, что получается, Василий Кузьмич. — Суд не берет у них заявление, так как по их положению для этого требуется решение цеховой конфликтной комиссии.

— А оно есть?

— Да, дело разбирали. Но там стороны — администрация и профсоюз — не пришли к согласию. Вот протокол заседания комиссии по трудовым спорам. — Сергей подал Балашову сложенный лист бумаги, который держал в руках.

Балашов опять стал читать вслух:

— Так... Объяснения свидетелей... предложение представителей администрации: «наказаны правильно», предложение представителей профсоюза: «наказаны неправильно». Решение: «к согласию не пришли».

Ясно... И все-таки конфликта можно было избежать, если бы Ильин и Лебедев пошли на увязку бунтов. Не переломились бы, наверное.

Сергей чувствовал, что начальник цеха умом понимает явную несправедливость по отношению к рабочим, а в душе он все еще был на стороне Иволгина, и профорг решил выложить свой последний козырь.

— В том-то и дело, Василий Кузьмич,— горячо заговорил Сергей, — что они оба уже там работали не однажды. Но когда распределяли квартальную премию за экспорт, то им не начислили ни рубля.

Балашов недоуменно пожал плечами:

— Почему?

— В отношении Ильина посчитали, что мало там работал, а Лебедеву вообще за экспорт платить не положено, поскольку он слесарь. Это их, очевидно, обидело тоже: ведь за экспорт получают премии даже конторские работники.

Балашов еще более удивился.

— Интересно, интересно... Минуточку. — Балашов снял телефонную трубку и набрал номер. — Алло.. Николай Сергеевич, нам скоро с тобой к директору... Да, да. Парторги тоже... А сейчас я прошу тебя: зайди, пожалуйста, в бухгалтерию и позови ко мне Галину Алексеевну с документами распределения экспортной премии, тебе по пути...

Балашов встал и подошел к Сергею.

— Ну что ж, профорг второй бригады, я обещаю, что сам займусь этим делом и, думаю, что рабочие в обиде не будут.

Поблагодарив начальника цеха, Сергей попрощался с ним и пошел было из кабинета, но Балашов остановил его в самых дверях:

— Да, а здесь мы сейчас речь вели о том самом Лебедеве, который попал в вытрезвитель?

— Тот самый, — ответил Сергей.

— Он так и не вышел на работу вчера?

— Ни вчера, ни сегодня. Он лежит в больнице.

— Что с ним?

— Попал под машину.

Выходя, Сергей столкнулся с парторгом Соколовым, который, очевидно, понял, о чем шла речь, так как, войдя к Балашову, начал о том же:

— Не везет этому Лебедеву. Да и случай довольно

странный, Василий Кузьмич. Я ведь его знаю. Хороший парень, непьющий — и вдруг вытрезвитель. Да еще под машину попал.

— Ну, тут как раз удивляться нечему. Сейчас каждый день попадают.

— Так-то оно так,— согласился Соколов,— но и тут непонятно что-то. Сегодня я у мастера бригады Телегина об этом спрашивал. Тот говорит, что при разборе аварии выяснилось, что будто бы Лебедев сам под машину сунулся. Странная история.

Балашов в это время ходил взад-вперед по кабинету и при последних словах Соколова остановился перед ним.

— Уж очень много в цехе странных историй вдруг стало, Николай Сергеевич.

— Что-нибудь случилось, Василий Кузьмич? — спросил Соколов.

— Вот перед Груздевым была у меня Киселева Августа Михайловна. Принесла, понимаешь ли, ордер на квартиру, который получила совсем недавно.

— Ордер принесла? Зачем? — удивился Соколов.

— А не нужен, говорит, он мне теперь. На пенсию через год уходит и уезжает отсюда. Попросила, чтобы отдали ордер напарнице, которая недавно замуж вышла.

Соколов покачал головой:

— Старая работница наша, ветеран.

Балашов присел на стул рядом с парторгом.

— Потом вот,— он показал на дверь,— Груздев за своих ребят хлопотать приходил. Помнишь вчерашний разговор на сменно-встречном? Что ты сам об этом думаешь?

— Конечно, рабочие правы.

— Так что же ты в таком случае не помог им?

— А меня не было в цехе. Я уезжал на семинар.

— Как же так получилось, что рабочих несправедливо наказали?

— Иволгин... — вздохнул Соколов.— Это на его совести. Он хороший специалист и производственник, но слишком горяч, порой до авантюризма. Если план горит, то он может пойти и на нарушение правил. Но план всегда делает. Поэтому и смотрят на его выходки сквозь пальцы.

...За время всей своей работы в металлургии Ба-

лашов не раз встречал таких людей, которые ради выполнения плана слепо шли вперед, заставляя работать на пределе себя, людей и механизмы. Как правило, через какое-то число побед все кончалось жестоким поражением для всех...

Чего-чего, а головотяпства на заводе было предостаточно. Это яснее увидел Василий Кузьмич, когда перешел на новую должность. Вот взять хотя бы первый прокатный стан. Почти десять лет назад его пустили, и все эти десять лет металл для прокатки на нем привозят аж из Кривого Рога. По шестьсот тысяч тонн в год. В большие деньги это обходится народу! О чем думали, когда стан строили? А главное — чем? Ведь знали, что своего металла не хватает. Казалось бы, на этой ошибке научиться должны. Ах нет! Жив, оказывается, курилка-головотяп! Построил он рядом совсем недавно новый, сверхмощный листовой стан. А тот прокатывает миллионы тонн в год. А где их взять? Вот и идут день и ночь сюда, на Северный завод, тяжелые, груженные железом составы из Нижнего Тагила, Липецка и даже из далекой Караганды. Своего же металла еще больше не хватать стало. Мартены не успевали сталь варить. Надо было новый сталеплавильный цех строить. И построили. Но для него чугуна нет. Надо домну новую строить. Так ведь с этого и начинать надо было! С домны! А получилось, что всю линию производства проката, которая идет от домны, начали строить с конца. Воистину, как говорится, оказались без штанов, а в шляпе. За такие дела судить надо, а головотяпы награды получают, премии. А кого судить? А кто судьи? Где начало этой дикой безответственности? Какова ее цена? Не из таких ли вот Иволгиных и вырастают у нас головотяпы... Почему так? Кто за все это в ответе?.. Такие вопросы Василий Кузьмич часто задавал себе в последнее время. И не находил ответа...

— Это не оправдание нарушений. План это не только железо, но и люди, — сказал Василий Кузьмич.

— Да, конечно. И он, Иволгин, уже однажды отвечал на парткоме.

— За что?

— Рабочие той же второй бригады пришли в партком с жалобой на него: дескать, зажал премию за соцсоревнование. Их бригада в тот месяц всех лучше

сработала и тысячу тонн металла прокатала сверх плана, а он эту тысячу на все бригады раскинул. Всех подравнял, и сама идея соревнования сошла на нет. Рабочим нет смысла соревноваться, одними лозунгами сыт не будешь.

— Так дальше не должно быть, Николай Сергеевич, и мы с тобой должны что-то предпринять...

Стук в дверь прервал разговор. В кабинет вошла главбух цеха Галина Алексеевна Галухина, держа в руках папку с бумагами.

— ...Так ты согласен со мной? — продолжал Балашов, жестом праглашая Галухину располагаться за столом.

— Конечно. Я сам об этом не раз думал, — ответил Соколов.

— Ну тогда мы еще раз вернемся к этому разговору... А теперь надо разобраться еще в одном деле. И в этом нам поможете вы, Галина Алексеевна.

Галухина доставала из папки документы и раскладывала перед собой.

— Чем могу, Василий Кузьмич, — сказала она с уверенностью человека, хорошо знающего свое дело и себя в этом деле. — Чем могу...

— Скажите, Галина Алексеевна, — начал неторопливо Балашов, — какая сумма выплачена за исполнение экспортных заказов в прошлом квартале на втором стане?

Галухина мельком глянула в документ.

— Пять тысяч.

— Это значит, чуть больше тысячи на бригаду? — спросил Балашов, что-то записывая на листке бумаги. — Теперь скажите, как эта премия за экспорт распределена во второй бригаде.

— Всех по фамилиям? — переспросила Галухина.

— Нет. По профессиям.

— Так... — зашелестела бумагами Галухина. — На посаде старшему посадчику — тридцать рублей, сварщикам на печи по пятьдесят. Вальцовщикам на черновой — сорок пять. На средней и чистовой — по сорок. Операторам — по тридцать, кроме операторов мсталок, там — по десятке. Рабочим на уборке горячего металла — по шестьдесят. Это самая большая премия... Вот, пожалуй, и все, Василий Кузьмич.

— А сколько получили административные работники стана? — спросил Балашов.

— Мастерам по сто. Начальник стана — сто тридцать.

— Так, ясно,— отметил что-то опять Балашов на бумаге.— Скажите, а работники администрации цеха получили премию за экспорт?

— А как же, Василий Кузьмич,— живо ответила Галухина.

— И даже ваши счетные работники?

Главбух удивленно вскинула брови.

— Конечно. По десять рублей. А что здесь необычного, что вы так спрашиваете, Василий Кузьмич?

Балашов встал и вышел из-за стола.

— Что необычного? А то, что вы работу оператора моталок приравняли к работе ваших счетоводов, которые, я уверен, совсем не знают, как производится этот самый экспортный металл.

— Но мы всегда так делали,— пожала плечами Галухина.

— Так, может, вы и мне за экспорт премию начислили?

Галухина глянула в ведомость.

— Сто сорок рублей.

— Что?! — взмахнул руками Балашов.— Сто сорок?! Так ведь я у вас всего месяц работаю и никакого отношения к производству экспортного пока не имел!

— Да чему вы удивляетесь-то, Василий Кузьмич? До вас Костюмов тоже не имел, а всегда получал. Так всегда было.

Галина Алексеевна говорила искренне. И так же искренне она не могла понять, почему так разволновался начальник цеха. Порядок распределения премии был заведен давно и вот уже многие годы неукоснительно исполнялся. И все эти годы она считала, что тут нет никакой ошибки, тем более в ее бухгалтерских документах...

— Больше не будет! — строго произнес Балашов.— Хватит! Вознаграждение за экспортную продукцию должны получать те, кто ее производит. Прошу вас, Галина Алексеевна, сделать перерасчет и впредь списки премированных по станам должны проходить только через меня. Вы поняли? Ни одному

административному работнику, не имеющему отношения к производству экспорта, премии не начислять.

Галухина начала собирать документы.

— Да, Василий Кузьмич, поняла.

— Вы свободны. Спасибо,— отпустил Галухину Балашов и повернулся к Соколову, за все это время не произнесшему ни слова.— Вы тоже получили за прокатку экспорта?

— Нет,— улыбнулся Соколов.

— Выходит, что ты один чист в этом деле.

— Мне не положено.

— Многим не положено, да берут.— Василий Кузьмич побарабанил пальцами по столу, потом глянул на часы.— Нам не пора?

Они оба встали и пошли было, но Балашов вдруг остановился.

— Подожди минутку, Николай Сергеевич,— сказал он.— Узнаю, как там с ремонтом на втором стане.

Балашов подошел к селектору и включил его.

— Второй, ответь.

— Да,— прозвучало в динамике.

— Как у вас дела? Ремонт закончили?

— Почти. Печь уже загрузили и разогреваем.

— Спасибо.— Балашов выключил селектор и повернулся к Соколову.— Все пока хорошо. Печь разжигают. Глядишь, пока у директора сидим, и прокатку начнут. Эх, хорошо бы!.. Ну, Николай Сергеич, пошли.

И они вышли из кабинета.

VIII

А на втором проволочном царила предпусковая суeta. Грохотал наверху мостовой кран, увозя лишнее теперь ремонтное оборудование, старые клети да огромные коробки с мусором. Вальцовщики в последний раз проверяли и настраивали прокатные клети. Сновали по стану с озабоченными лицами гидравлики и электрики, для которых настал самый жаркий час. Их поминутно требовали, вызывали по общему селектору то в машинный зал, то в маслоподвал, то на печь или на операторские посты: каждый механизм стана включался в общую схему и каждый должен был работать безотказно.

Все ждали прокатки. А она начиналась с нагревательной печи. Сейчас печь спокойно гудела, загруженная внастил свежим металлом, над которым плескались огромные языки пламени газовых горелок.

Сергей Груздев, поставив печь на розжиг, теперь большую часть времени проводил за пультом управления в комнате сварщиков. На площадке у печи остался только его напарник Шилов, готовый подавать толкателем заготовки из печи.

На приборной доске горели сигнальные лампочки, подрагивали стрелки самописцев, показывающих расход газа, температуру в разных зонах печи и прочие данные.

Сергей сидел перед приборной доской за старым, облитым чернилами, ничем не покрытым столом и записывал в журнал показания приборов, когда раздался вдруг телефонный звонок. Он снял трубку и узнал в ней голос Иволгина. Тот спрашивал о готовности печи.

— Все готово,— ответил Сергей.— Нет. Поднимать температуру нельзя. Потому что по всем ниткам горит красный сигнал. Чего зря металл жечь... Приходи...

Сергей положил трубку, и видно было, что разговор ему не был приятен. Он давно уже работал самостоятельно и не любил, когда кто-то вмешивался в его дело. А Иволгин явно хотел вмешаться и побыстрее поднять температуру на печи, чтобы по сигналу — зеленый свет — начать свободную прокатку без задержки.

Сергей решил температуру не поднимать. Он видел, что по всем четырем ниткам горит красный свет. Значит, какие-то участки стана не готовы к прокатке. В печи же сидела высокоуглеродистая канатная сталь, которую в режиме высокой температуры долго держать нельзя. Края плотно лежащих заготовок оплавляются, и они сварятся друг с другом. Тогда каждую полутонную штуку придется отдирать и кантовать вручную. А это адский труд, потеря времени и вообще — ЧП для сварщиков.

Дверь отворилась, и вместе с шумом работающей печи в комнату ввалился Колька.

— Привет печникам.

— Привет, привет... Что скажешь?

— У тебя, Сергей, чайку не найдется? — непривычно тихо спросил Колька.

— Пей сколько душа просит, — показал Сергей на чайник и спросил — Что, умотался?

Колька снял каску, рукавицы и, бросив все это на пол, устало присел к столу.

— Не говори, — сказал он, наливая в стакан чаю. — Задрался бы в доску и в полоску этот ремонт.

— Ремонт как ремонт.

— Ну да, — не согласился Колька. — Все спешат куда-то, все быстрее да быстрее надо.

— Спешат закончить ремонт побыстрее. В первый раз слышишь, что ли?

Колька досадливо отмахнулся.

— Да знаю ... Я о том, что в таком деле спешка вредна. Когда торопишься, то что-то всегда недоделаешь, перепутаешь. Короче говоря, ремонт наш идет по формуле «дэ в квадрате пэ эр».

— По какой формуле? — не понял Сергей.

— Ты что, в первый раз слышишь, что это такое? — «давай-давай, потом разберемся». Иволгин и сам по стану носится, и нас умотал. Я сегодня даже жрать не ходил. Бутылку молока только ребята вынесли.

— Это где же ты вкалывал так?

— На черновой группе клети настраивал, потом на средней порядок наводил, да у себя на выдаче.

— Ну и как там, готовы клети?

— Конечно, готовы. Иначе бы я к тебе перекуривать не пришел.

— Боюсь, что перекурить тебе не придется, — усмехнулся Сергей.

— Почему?

— Иволгин недавно звонил. Сейчас сюда придет. Скоро поедем. Я уже готовлюсь температуру поднимать в печи.

— Ну и зря. Ехать еще рано. На чистовых клетях не все еще сделано. Ребята настраиваются. О, господи... ни сна ни отдыха измученной душе... — сказал Колька и неожиданно переменил разговор.

— Сережа, а говорят, что Витька Лебедев сам под грузовик-то. А?

— Сам, — подтвердил Сергей.

— И чего он это, а?

— Из-за Зойки.
— Из-за жены?!
— Ну да. Загуляла она.
— Да ты откуда это взял-то? — удивился Колька.
— Я вчера разговаривал с их соседкой. Та весь шум у них слышала накануне вечером. Витька обычно приезжал из деревни с выходного прямо на работу, а в этот раз приехал вечером накануне почему-то. Ну, а у Зойки кто-то был.

Колька даже присвистнул от удивления:

— Фью-ю-ю! Вот это примочки. Как же он теперь-то?

— Не знаю.

Ребята помолчали. За толстыми кирпичными стенами помещения сварщиков глухо шумел стан.

— Послушай, Серега,— заговорил Колька.— Давай в этот выходной вылазку на природу сделаем. Подальше от всего этого. Рыбки половим, по лесу походим, а?

Вылазки на природу ребята делали часто. И зимой и летом. Среди железного грохота цеха, среди жары и пыли порой становилось так невыносимо, что они, бывало, выезжали в лес или шли на реку сразу после смены.

— Я не против,— согласился Сергей.— А кто поедет?

— Ну как кто? Ты, я, Андреич с супругой. И беседа пройдет в теплой дружеской обстановке. Можно кого-нибудь еще прихватить. Чего об этом волноваться.

— А ты опять один поедешь? — спросил Сергей.

— С кем же я должен ехать? — будто не поняв, переспросил Колька.

— Послушай, друг Никола: ты долго Нинку мучить будешь?

— И что вы все так болеете за нее?! Во-первых, это наше с ней дело, а во-вторых, она тоже с нами поедет.

— Вот это разговор,— довольно произнес Сергей.— Собирай народ. Гитару обязательно прихвати.

— Само собой...

Он хотел что-то еще сказать, но дверь отворилась, и в комнату вошел Иволгин. В кирзовых мокрых сапогах, в куртке, запачканной какой-то смазкой, кото-

рая попала даже на лицо, он выглядел тоже усталым.

— Всем няньки нужны. Сами ни на что не способны,— ворчливо говорил Иволгин. Вытирая ветошью руки, он прошел к столу и остановился перед Колькой.— А ты чего не на стане?

— Вот покурить зашел,— ответил Колька.

Иволгина это возмутило.

— Клети на черновой закручены! — громко воскликнул он.— Какое может быть курение!

Колька выслушал Иволгина спокойно, но каску на всякий случай надел на голову.

— А у меня все готово. Только сигнала и жду,— сказал он.— А кричите вы зря. Я первый раз перекуриваю и даже в столовую не ходил.

— Я тоже... Иди на свой пост,— произнес уже спокойно Иволгин.

Он дождался, когда за Колькой захлопнулась дверь, снял каску и налил себе чаю.

— Ну что там у тебя? — спросил Иволгин Сергея, стоявшего у приборов с журналом для записей в руках.

— У меня все нормально...

Иволгин встал и нервно заходил по комнате.

— Нормально,— повторил он недовольно.— У всех все нормально, а стан стоит. Только что все участки обошел, на всех группах клетей побывал. Ремонт закончен, а прокатки нет. Стан холодный.

— После ремонта спешить катать не следует. Это как раз тот случай, когдатише едешь — дальше будешь. Знаешь ведь об этом сам.

— А ты меня не учи,— неожиданно обозлился Иволгин.— Без твоих советов обойдусь. Я знаю только одно: надо выполнять план, а для этого требуется, чтобы стан выдавал прокат. А я что-то этого не вижу... Какая температура в печи?

— Тысяча сто пятьдесят.

— Мало!..

— Больше пока нельзя.

— Почему?

Теперь настала очередь быть недовольным Сергею.

— Я объяснял уже... Потому что в печи сидит углеродистая канатная сталь и прежде чем поднимать температуру нужно знать, наверняка что прокатка пойдет без остановки. Если при такой температуре

случится простой, то металл перегреется и сварится. А пока,— Сергей показал на лампочки сигнализации,— красные огни горят по всем ниткам. Пусть дают зеленый свет. Печь поднять недолго.

Иволгин подошел к селектору и включил его:

— Сам вижу, что красные горят... Алло! Главный пост! Куваева! Куваев? Послушай, в чем дело? Кто держит стан. Почему не дают зеленый свет?!

— Задержка на второй средней группе.

— Где мастер?! — громко говорил в микрофон Иволгин.— Найди мастера и передай ему, чтобы немедленно давал зеленый по всем ниткам. На печи все готово... Сергей, поднимай температуру.

Иволгин повернулся к Сергею. В это время загорелся по всем четырем ниткам стана зеленый свет, и главный пост запросил выдать по каждой нитке заготовки.

— Поднимай, — строго сказал Иволгин.

— Катать ведь еще не начали. Только еще первые штуки пошли. Задержки могут быть. Вот смотри.

По первой нитке загорелся красный сигнал. Иволгин, увидев его, сразу же подскочил к микрофону:

— Послушай, Куваев! Передай по общему селектору на все посты и группы — никаких красных! Я приказываю настраиваться на ходу! Понял?!

— Ясно, — раздалось из динамика.— Внимание вальцовщиков на стане! Красных сигналов не давать. Настраиваться на ходу! Приказ начальника стана.

— Металл же сварить можем, — сказал Сергей, все еще не поднимаясь из-за стола.

— Да что ты заладил одно и то же! — раздраженно воскликнул Иволгин.— Я начальник стана и отвечаю за все!

Сергей встал и подошел к Иволгину.

— Я отвечаю за печь! Даже при такой температуре стоять долго нельзя!

Впервые за все время их совместной работы, да, пожалуй, за все время с самого детства Иволгин и Сергей говорили друг с другом так резко. Сергею тоже был неприятен этот разговор, да, видно, настало и ему время. Но поговорить дальше не пришлось.

Что-то щелкнуло в динамике селектора, и оттуда вдруг раздался громкий и тревожный голос главного оператора Куваева:

— Пятый, пятый! Никуда не давай! Никуда не давай!

На табло зажглись в то же мгновение красные лампочки. Иволгин кинулся к селектору.

— Что случилось, Куваев? — с беспокойством спросил он.

— Забурились на черновой группе, Анатолий Никодимович, — ответили с главного поста. — Полетел валок на третьей клети.

— Тыфу, черт! — зло выругался Иволгин и, надев каску, направился к двери.

Сергей регулятором уменьшил подачу газа в печь до минимума и тоже поспешил к своему напарнику, уже суетящемуся у боковых окон печи.

IX

После совещания у директора завода Балашов с парторгом, не заходя к себе в контору, прошли прямо на проволочный стан. У печи со стороны черновой группы суетилось множество рабочих: вальцовщики, операторы, рабочие по уборке горячего металла.

Длинными кантовками они вручную переворачивали через окно в печи заготовки, заменили поломанную и уже настраивали новую клеть.

Сразу догадавшись, что стан стоит из-за какой-то аварии, Балашов, ни о чем не спрашивая стоявших тут же Иволгина и Телегина, пригласил их для разговора в пустое сейчас помещение сварщиков.

— Причина аварии? — с ходу спросил Балашов.

Телегин глянул на Иволгина, но, увидев, что тот отвечать не намерен, сказал:

— Все началось с того, что на третьей клети полетел нижний валок. Лопнул по ручью.

— Причина? Заводской дефект?

Телегин вздохнул, немного помялся.

— Нет, — сказал он, будто выжимая из себя каждое слово. — На вал в этом месте не поступала вода охлаждения.

— Почему?

— Вальцовщик не проверил.

Балашову все сразу стало ясно.

— Ну вот... вот вам и вся причина! Она, как всегда, проста. Халатность, обыкновенная халатность! Кто работает на черновой?

— Вальцовщик Семенов...

— Удивительно! Человек на рабочем месте седьмого разряда, можно сказать, рабочий высшего класса и вдруг допускает такую промашку! Это непростительно, слышите, непростительно! Вы с ним говорили?

— Да. Отвечает, что забыл проверить, замотался и забыл... Дело в том, Василий Кузьмич, что Семенов у меня один на две группы, черновую и среднюю. Забыть не мудрено, да еще в такой спешке.

— Почему в спешке? Кто вас торопил? — спросил Балашов.

— Когда клети закрутили и дали зеленый свет по всем четырем ниткам, то по общему селектору объявили, что красный свет запрещено давать и настраиваться на ходу.

Балашов повернулся к Иволгину:

— Кто давал такую команду? Вы?

— Да... — нехотя и хмуро ответил Иволгин.

— Хм... Вот это новости. Ну да об этом потом.— Балашов снова стал разговаривать с Телегиным.— А вы-то куда смотрели? Почему не проверили вальцовщика?

— Разве за всеми усмотришь,— сокрушенно ответил мастер.

Он был по-своему прав, и Василий Кузьмич понимал, что трудно Телегину усмотреть и проконтролировать все участки сложного хозяйства прокатного стана в послеремонтное время.

Балашову по-своему было жаль мастера, но он не показал этого.

— Будучи пожилым человеком, я вас, Михаил Егорович, понять могу. Как начальник цеха — нет! Здесь производство, здесь выполнение государственного плана. Понимаете — государственного! А вы мастер смены. Вы и только вы отвечаете за работу своих людей. И вы обязаны за всем усмотреть. Понимаете, обязаны!.. Поэтому прошу вас написать объяснительную записку о случившемся. Такую же записку возьмите у вальцовщика с черновой группы и у старшего сварщика печи.

— А зачем у сварщика? — удивленно спросил Телегин.

— Но металл-то в печи сварен!

— Старший сварщик Груздев не виноват, Василий

Кузьмич. В печи находилась углеродистая сталь, и вполне естественно, что при остановке стана заготовки из печи не выдавались, металл перегрелся и стал плавиться. Температуру же быстро не сбросишь.

— Я знаю все это,— согласился Балашов,— и ни в чем вашего сварщика не обвиняю. Разве объяснительные требуются только ради наказания? Я хочу разобраться в этой истории. Короче говоря, все ваши объяснительные должны сегодня лежать у меня на столе. Вы поняли меня?

— Да... Понял,— ответил мастер.

— Вот и хорошо. Я вас больше не задерживаю. Идите на печь. Мы туда, очевидно, скоро тоже подойдем.

После ухода Телегина Балашов некоторое время молча расхаживал по комнате, потом взял стул и сел напротив Иволгина.

— Надеюсь, вы все поняли, Анатолий Никодимович? — спросил Балашов.

— Что? — чуть с вызовом переспросил Иволгин.

— Что причина этой аварии в вас лично...

— Не знаю.

Балашов даже подскочил на стуле от возмущения.

— Не знаете?! Объясните, почему вы дали команду на загрузку не готового к прокатке стана?

— Я проверил все от печи до моталок и дальше. Стан был готов к работе.

— Допускаю,— согласился Балашов.— Но разве можно было ее начинать так, как начали вы? Я не понимаю, как вы, специалист-прокатчик с высшим образованием и довольно большой практикой, решаетесь на полную загрузку стана сразу же после ремонта! Это же авантюра чистой воды! Да когда к тому же в печи сидит такая сталь!

— Почему же сразу? — оправдывался Иволгин.— Мы пропустили несколько штук. По каждой нитке.

— Этого мало, черт возьми! Понимаете — мало! Вы знаете, как учат в госпитале ходить людей, раненных в ноги?

В разговор вмешался до сих пор молчавший Соколов:

— Объясните нам, Анатолий Никодимович: почему вы дали такую команду?

— Мне доложили,— объяснял Иволгин,— со всех

групп, что готовы к работе. Я дал команду начать прокатку и поднять температуру на печи. Я хотел как можно быстрее начать. Да, я рисковал, но если бы у меня получилось, то мы имели бы многие тонны готового металла раньше срока. Что бы вы тогда мне говорили?

— Еще когда вы приняли решение об этом своем эксперименте, вы уже были обречены на неудачу,— снова заговорил Соколов.— Надо же учитывать мелочи, недоделки, которые остаются после ремонта. Они естественны и потому всегда есть... Неужели вам это неизвестно?.. Что-то не верится... Знаете, в чем ваша беда? Она не в том, что вы плохо работаете. Это, в крайнем случае, исправить можно. Беда в том, что вы не понимаете, что работаете плохо.

— Я хотел сделать как можно лучше,— сказал Иволгин.

— А завалили работу на самом важном этапе пуска стана,— усмехнулся Балашов.— Сотни людей работают изо всех сил, выполняют задание и сокращают ремонт, а один человек все рушит за несколько минут...

— Я ничего не разрушил,— не согласился Иволгин.— Авария не такая уж и большая. Клеть заменить недолго. Все равно начнем прокатку раньше графика.

— А печь? Поглядите, какой ценой устраняют последствия вашего головотяпства... Короче говоря, вы тоже, Анатолий Никодимович, напишите объяснительную о случившемся. Сегодня же... Ну, а теперь поговорим о другом... Скажите, как вы собираетесь решать вопрос с Ильиным и Лебедевым?

Иволгин вопросительно глянул на Балашова и недоуменно пожал плечами:

— Я уже все решил и приказания своего не отменю.

— Но ведь вы нарушили статью кодекса законов о труде,— начал опять убеждать Иволгина начальник цеха.— Вы должны рабочих попросить, а послали их работать приказом.

Иволгин, казалось, не думал и тут сдаваться:

— Я действовал в интересах производства. Планто надо было выполнять.

— План — это не просто тонны металла, а прежде всего люди, трудом и потом которых добывается этот металл, — опять вмешался Соколов. — Делая им плохо, вы делаете плохо производству.

— Сейчас любому производственнику известно, что доброе слово поднимает производительность труда, а несправедливость, обида, грубое слово мешают работать, — поддержал парторга Балашов. — С вами об этом даже на парткоме говорили, а вы, как видно, ничего не поняли...

...Балашов и парторг вышли из комнаты и направились по переходному мостику к главному посту. Народу у печи поубавилось. Операторы и вальцовщики разошлись по своим местам. Сварщики закрывали окна печи и убирали инструмент, готовясь к выдаче первой после аварии заготовки.

X

Эти полчаса Сергея вымотали настолько, что он, едва войдя в комнату сварщиков, плюхнулся на стул и долго сидел, запрокинув голову, с закрытыми глазами. Ни о чем не хотелось даже думать. Мокрая рубаха, будто он только что искупался в одежде, липла к телу...

Все получилось так, как и предвидел Сергей: заготовки от высокой температуры «потекли» и сварились друг с другом. Пришлось вручную их растаскивать и перекантовать эти полутонные жерди по всей сварочной зоне.

Сергей включил кондиционер и поставил под его прохладную струю потное лицо. Дышать сразу стало легче.

В это время в комнату вошел Иволгин. Потное и красное от печного жара лицо его было не очень веселым, хотя аварию устранили быстро и по времени стан еще можно было пустить раньше положенного срока. Иволгин все же оказался прав, и стан скоро будет давать сверхплановый металл. Поэтому он считал аварию с клетью не своим поражением, а той потерей, какие бывают в любой борьбе на пути к достижению цели.

Он прошел к столу, налил себе стакан уже остывшего чая и встал рядом с Сергеем — прохладиться.

— Ну, так что, Сергей, ты хотел мне сегодня сказать? — сразу же спросил Иволгин.

— Сегодня я тебе ничего не хотел говорить. Не время и не место.

Иволгин глянул на часы.

— Почему же? Время есть... Сегодня все меня клюют. Так давай уж и ты заодно, — сказал Иволгин и, помолчав, добавил: — Черт возьми... уехать бы куда-нибудь. Все. В выходной на реку поеду, с удочкой. Вы-то едете за город?

Сергей стоял уже у приборов.

— Кто как.

— А может, мне с вами... Воздухом подышать, уху сварить. Помнишь, как в детстве ты в наших играх всегда кашеваром был?

— Что было — то было... А что это вдруг ты наше детство вспомнил?

— Почему же это тебе кажется странным? — удивленно спросил Иволгин.

— Мне вообще кажется странным, что ты с нами вдруг на природу захотел. Как это ты снизошел до нас?

— Ничего странного. Ты напрасно иронизируешь. Мы из одного села.

Честно говоря, Сергею не хотелось именно сейчас начинать новый спор с Иволгиным, но увидев, что тот сам ищет разговора, он решил не ждать другого случая.

— А я думал, что ты уже забыл об этом, — с едва скрытой иронией сказал Сергей.

— Ну как же это — разве можно забыть?

— Ты, значит, и школу нашу сельскую помнишь?

— Конечно, помню. Да ты...

— Подожди, — Сергей жестом руки прервал Иволгина. — А учителя нашего Николая Ивановича тоже не забыл?

— Еще бы. Только не понимаю, к чему ты клонишь?

— А помнишь его слово на выпускном вечере, когда он говорил, что самое главное в жизни — прожить ее честно, с чистой совестью перед людьми, перед самим собой. Делайте, как он говорил, свое дело по совести и тогда не зря проживете жизнь.

Иволгин долго смотрел на Сергея с удивлением.

— Да, помню. Ты мне тут целый допрос чинишь. Уж не хочешь ли ты сказать, что я живу нечестно?

В это время в окно постучал напарник Сергея и, махая рукой, позвал его к себе. Сергей быстро вышел на площадку. Иволгин видел, как он поговорил о чем-то с напарником, осмотрел толкатель заготовок, глянул в печь и, повернувшись к напарнику, погладил рукой живот, что на языке всех металлургов, работающих в грохоте и шуме, означает «все нормально»...

— Да! Именно это я и хочу сказать тебе, — сразу заговорил Сергей, как только вошел в аппаратную. — С некоторых пор, тебе известных, ты потерял совесть и забыл, кто ты и откуда!

— Ну, это уж слишком! — повысил голос Иволгин.

— Слишком?! А не слишком, когда мать не может жить в семье сына? Твоя мать в твоей семье.

— Я не виноват, что она не ладит с Тамарой.

— Ты-то мужик или нет?! Кто виноват, что она продала все и приехала сюда, а сейчас ее из дома выживают?

— Я не обязан перед тобой отчитываться в своих семейных делах!

Иволгин отвернулся от Сергея, не желая более продолжать разговор, но тот думал иначе.

— Ладно, о семье не будем, — согласился Сергей. — Но на работе ты тоже не лучше вытворяешь.

— Что я вытворяю? Выбирай выражения!

— Что?! Да ты барином стал, хозяйствчиком. Что хочу, то и ворочу. Сашку Связева экзамены в институт сдавать не отпустил. У Королева отец умер, а ты ему в отпуске отказал. Пришлось тому самовольно ехать. Это все у тебя по совести? Только и слышишь: объявить выговор, лишить премии! Неужели у тебя на стане одни разгильдяи работают? А Ильина с Лебедевым ты по совести наказал?

— У меня людей не хватало, а план по экспорту выполнять надо. С меня тоже спрашивают!

— Да ты брось! Весь металл, который в ту смену вязали на экспорт, еще целый месяц на складе лежал неотправленный. Я проверял по документам отгрузки. Значит, план выполнен был, а тебе захотелось сделать больше и премию получить. А люди потели... Ради чего?... Теперь вот и Витька в больницу попал.

Иволгин развел руками.

— Кто виноват, что он напился?

Сергей подошел к Иволгину и резко бросил тому в лицо:

— Ты!.. Ты виноват, что Витька напился!

— Каким образом? — усмехнулся Иволгин.

— Не понимаешь, о чём я говорю? Надо же... Ну я тогда сейчас тебе объясню... Витька застал свою жену с другим, когда приехал вечером из деревни. Тем другим был ты! Разве не так?!

Иволгин смотрел теперь на Сергея широко открытыми глазами.

— Он меня... он меня ведь не видел, — не сразу произнес Иволгин.

— А-а, ты утешаешься тем, что успел выпрыгнуть в окно. Счастлив ты, что у Витьки квартира на первом этаже. Только не утешайся особенно. Витька догадался, что у Зойки кто-то был. Вот почему его сбила машина! Он сам под нее пошел! — Сергей неожиданно схватил Иволгина за грудь. — Что ты наделал? Ты же семью нарушил! Димка теперь без отца расти будет! Понял? Ну что ты молчишь?!

Иволгин стоял, низко опустив голову. На него, так внезапно сникшего, жалко было смотреть.

— Я... Я не знаю... что мне делать... Откуда ты узнал?

Сергей усмехнулся.

— Соседка видела. Она тебя знает.

— Честное слово, я не знал, что Зоя жена нашего Лебедева. Знал только, что она работает в заводской лаборатории. Мы познакомились в гостях, в компании, и я только проводил ее... Клянусь...

— Ну и что?

— Сергей, — умоляюще говорил Иволгин. — Ты один обо всем знаешь. Не говори никому... Прошу тебя... Ведь ничего не было...

— Ты считаешь, что ничего не случилось?.. Напрасно... Витьку жалко. Он же теперь в семью не вернется, наверное. Один остался, без жены, а главное, без сына. В общежитии жить будет. Хорошо, что еще не в том, куда под оркестр носят. Ну, а тебе что делать, я не знаю. Дело твое. Иди сам разбирайся. Будь мужиком в этом деле. Может, и уладишь... Ну, а сейчас извини — работать надо.

Иволгин молча вышел, а Сергей включил селектор.

- Первый, ответь!
- Да, — раздалось из динамика.
- У меня на печи все готово к прокатке.
- Ясно, Серега. Тогда поехали. Даём зеленый.
- Поехали! — громко сказал Сергей и, надев каску, вышел из аппаратной.

Ровно гудела печь, над которой под самой крышей стана стоял сизый дымный туман. Со стороны черновой группы сюда доносился шум работающих клетей. Шла обычная горячая работа. Как вчера, как сегодня, как завтра.

РАССКАЗЫ

ВЫСШАЯ МЕРА

В тот день, в конце октября, открывалась осенняя охота, и дядя мой Иван Лукич Силин, известный в наших местах охотник, взял меня с собой в лес.

Стояла пора черностопа, бесснежного холодного предзимья. Лес был неприветный и, казалось, пустой. За весь день нашего плутания дядя так и не сделал ни одного выстрела.

Переходя от перелеска к перелеску, от поляны к поляне, по частым вражкам, поросшим линялой травой, мы забыли о времени. Только когда начало смеркаться и мы вышли на какую-то малоезженую дорогу, идущую вдоль лесистой гряды, Лукич закинул за спину ружье.

— Все, шабаш! Больше ждать нечего,— расстроенно сказал он, доставая папиросы.

Гряда кончилась. Дорога уходила вниз по склону. Еще дальше была видна большая деревня.

— Э, брат,— дядя огляделся,— куда нас занесло! Под самое Иваньково село.

— Далеко отсюда до наших Дубков?

— С десяток верст, пожалуй.

— Что делать будем?

— Как что?— переспросил дядя.— Ночевать пойдем в село. Там у меня дружок старинный есть. Мишуха Разгуляев. В совхозе шоферит.

— А как же тетя Маша? Ждать будет, а нас нет.

— Ну, полно,— махнул рукой Иван Лукич.— Это не в городе у вас: мужик с работы на час позже придет, так баба потом неделю скучит. Моя знает, если я на охоте, то могу и ночевать не прийти.

Мы стали спускаться. У деревни проселок вышел на широкий большак, по обеим сторонам которого тянулись ряды изб. В домах уже зажглись огни, и белые квадраты света отпечатывались на темной земле вдоль деревенской улицы. В селе было тихо и мало людно. Только на небольшой площади с сельмагом и чайной стояли машины, мотоциклы да толпились мужики, громко разговаривая. От площади еще на две стороны расходились порядки домов. Мы зашли в сельмаг и свернули на правый из них.

— Вон у колодца и дом Мишухин. Он, видно, у себя. Свет горит.

Подойдя ближе, мы заметили какого-то мужика в стеганой фуфайке и шапке, достававшего из колодца воду. Он стоял к нам спиной и лица его не было видно.

— Здорово живем,— приветствовал мужика Лукич, когда мы проходили.

— Здорово,— глухо и не очень дружелюбно произнес тот и, подхватив ведра с водой, пошел в калитку соседнего дома.

Дядя хмыкнул, но ничего не сказал.

Тут же мы заметили еще одну странность: между дворами дядиного знакомца и его соседа стоял высокий забор. Такого на деревенских улицах мне не приходилось встречать.

Мы поднялись в крытое крыльце и через сени, пахнувшие свежей капустой и укропом, прошли в избу.

— Не много ли вас, не надо ли нас?— Лукич первым переступил порог.— Здорово, хозяева.

Войдя вслед за Лукичом, я увидел в большой светлой комнате у стола пожилого седоватого мужчину в очках и с газетой в руках.

— Заходи.— Хозяин, отложив газету, посмотрел на нас поверх очков, как смотрят все дальновидные люди, и, быстро сняв очки, встал.

— Неужели ты, Иван? Вот на кого не думал так не думал!— радостно воскликнул хозяин, тряся руку Лукича.— Клава, встречай гостей!

Из другой половины вышла полная, небольшого роста хозяйка в цветастом переднике. Круглое лицо ее светилось доброй улыбкой.

— Милости просим, гости дорогие,— проговорила

она,— Иван Лукич, давненько не бывал. Поди, уж забывать стал?

— Ну что ты, Макаровна. Старых друзей разве забывают. А ты все молодеешь, все как семнаточка.

— Где уж,— смеясь махнула рукой Макаровна,— отмолодела. А это кто с тобой? Не Аннушки ли сынок?

— Ее, ее. Племяш мой.

Я поздоровался с хозяевами.

— Ой, да чего стоите-то,— засуетилась хозяйка,— скидывайте все, разболокайтесь. Иззябли, поди, да проголодались. На охоте были?

— На охоте, будь она неладна.

Макаровна принесла нам чистое полотенце.

— Клава, сбегай-ко в лавку. Принеси нам зазиобы пузырек,— сказал ей хозяин.

— Есть и без лавки,— ответила мужу Макаровна.

— Ну,— засмеялся тот,— ловко, девка. А я и не знал.

— Как бы знал, так давно бы ее уговорил.

— Да мы прихватили, Андреич,— вмешался в разговор Лукич.— Не гоношись.

— Мало ли что. Ты у меня давно не бывал.

Умывшись, мы прошли в большую половину. Дядя с Андреичем предались воспоминаниям, Макаровна хлопотала у стола.

Я огляделся. В просторной комнате было чисто и уютно. На крашеном полу ровно лежали яркие половики, на комоде в углу стоял телевизор, у переборки — широкая железная кровать со взбитыми подушками, покрытыми кружевной накидкой. На переборке в рамках — множество фотографий, какие встретишь в любом деревенском доме. Рядом с фотографиями и тоже в рамках я увидел какие-то грамоты и подошел поближе, чтобы рассмотреть. Это оказались фронтовые благодарности. «...Гвардии рядовому Разгуляеву Михаилу Андреевичу. Приказом Верховного Главнокомандующего Маршала Советского Союза товарища Сталина от 5 августа 1943 года нашей части, в том числе и Вам, объявлена благодарность за отличные боевые действия в операциях по освобождению города Орла...», «...от 26 ноября 1943 года... за отличные действия в боях за освобождение города Гомеля...», «...от 18 августа 1944 года... за форсирование реки Вислы

и за овладение Сандомирским плацдармом...», «...от 27 апреля 1945 года... за овладение городом Виттенберг...»

Из фотографий, висевших тут, одна особенно привлекла меня. С нее глядел исподлобья бритоголовый худой человек в довоенной гимнастерке с расстегнутым воротом. Фотография была явно переснята и увеличена. Хотелось сразу же спросить об этом, но я не решился.

Тем временем Макаровна поставила на стол жареную картошку, яичницу, соленые грибы в сметане, огурцы. На сковородке парилась рыба хек, заплывшая и в эти края.

— Садитесь, гости дорогие. Чем уж богаты, извините.

— Спасибо, Макаровна. Сама-то присядь с нами.

— Неколи, Иван Лукич, на ферму надо бежать. Девки, поди, уж заждались. Вы тут сами теперь управитесь. Выпивайте, кушайте. Хлеб-соль на столе, руки свои, доставайте везде. Приду и поговорим.

Макаровна ушла, и мы остались одни.

— Ну что, мужики. Давайте по лампадочке за встречу. А может, вам телевизор включить?

— Ну, полно,— остановил его дядя.— Свой надолел. Ты лучше скажи, откуда у тебя такой сосед взялся? Уж сильно странен. И забором от тебя отгородился. Как враги.

— Враги и есть. Гришка Сучков это. Такая, брат ты мой, история, что и вспоминать тошно.

Андреич не спеша закурил папиросу и, помолчав немного, повел свой рассказ.

— Был у меня братишко младший, Алешка. Меня-то война в армии застала, а его в сорок первом взяли и сразу на фронт. Успел только два письма домой прислать, а потом ни слуху от него, ни духу. Пропал безвестно. Мало ли тогда пропадало. После демобилизации в сорок пятом я домой приехал. Тут узнал, что у Сучковых, соседей, Гришка тоже сгинул.

С Лешкой они одногодки были, да и взяты вместе. Потом служ прошел, будто бы Гришка в плenу был и где-то на Севере срок тянет. А лет этак через десять или поболе я и от Алексея весточку получил...

Сижу одинова так же вот дома. Вдруг в избу мужик заходит. Вижу: обличья городского, в очках и

при галстуке. «Здесь ли,— говорит,— родные Алексея Разгуляева живут?» — «Тут»,— отвечаю. Матушку к тому времени я уже похоронил. Ну, познакомились. Николаем назывался. Из Москвы сам. «Привез,— говорит,— я вам от вашего Алексея поклон». Я так и осталбенел. «Жив,— спрашиваю,— что ли?» — Нет,— говорит,— погиб ваш Алексей осенью сорок второго года в немецком концлагере Маутхаузен на австрийской земле».

Проговорили мы тогда с Николаем почти всю ночь, а наутро уехал он к себе в Москву. А я, веришь или нет, по сие время не перестаю дивиться: сколько этот человек вынести смог. Всю войну мотало его по немецким лагерям и тюрьмам, да дома десять лет пеньки корчевал. А ведь выдюжил, душой не сломился. До чего же крепок русский мужик!

Да... Вот Николай-то мне тогда и рассказал, что были они с нашим Алексеем однажды в рабочей команде. В первый же день Леху надсмотрщики избили до полусмерти, и в барак ребята его под руки привели. Спали они рядом. «Ночью,— говорит,— вдруг слышу, Алексей зовет меня. «Слушай,— шепчет,— браток. Что-то худо мне совсем стало. Поди, и до утра не дотяну. А ты, если жив будешь и отсюда выберешься, то побывай на родине моей, матушке и всем родным поклон передай. Обо всем расскажи. А еще передай, что, мол, в смерти моей Гришка Сучков, сосед, виновен».

Оказалось, когда Леху из другого лагеря в Маутхаузен привезли, он тут Гришку встретил. А тот, видно, у фюреров тамошних в прислужниках ходил. Жить ему, гаду, больше всех хотелось. Ну, у них разговор и состоялся. О чем был разговор, неизвестно, только Леха ему по роже дал. А на другой день определили его в штрафную команду камни из котлована таскать. Было у них там такое гиблое место: каменоломня, где лагерники гранит добывали и на себе носили в гору.

«Пообещал,— говорит Николай,— я ему все исполнить, хоть и сам не надеялся из этого ада живым выйти».— А Леха наш утром так и не проснулся...

Андреич замолчал, прикуривая потухшую папиросу. Я спросил его о фотографии. Он вышел из-за стола и подошел к переборке.

— Да, фотокарточка эта из того самого лагеря. Но тут другая история... В позапрошлом году осенью вызывают меня в рабочком. «Есть,— говорят,— у нас, Михаил Андреевич, путевка одна за границу, в Австрию. Решили мы тебе ее выделить. Съезди, посмотри, как там живут-могут, а приедешь — и нам расскажешь».

Собрался я, поехал. От Москвы до Вены два часа лёту. Встретили нас хорошо. В гостиницу определили. Все чинно-благородно. Живешь, что кум королю или сват министру. Народ там вежливый, работящий. Ничего не скажу, живут культурно. Ночью, бывало, спать ляжешь, а ботинки за дверью поставишь, так утром они как зеркало. Или в магазине: у порога встретят, товар покажут. Купил, не купил, а до дверей проводят и спасибо скажут. Дескать, благодарим, что зашел. Иногда как-то даже неудобно, словно я господин какой.

Три дня мы жили в Вене. Ходили по музеям, в театр. Потом на автобусе дальше поехали. Программки нам дали с маршрутом. Читаю и вижу, что первая остановка в Маутхаузене назначена.

Вот так я туда и попал. Городишко небольшой, чистенький, на самом дунайском берегу. Остановку мы там сделали, цветов купили и поехали в тот самый лагерь. А он в стороне оказался, на горе. Поднялись наверх по петлистой дороге. Огляделся я. Кругом холмы, горы вдалеке, леса, внизу Дунай. Красивые места. А впереди лагерь открылся. Стоит, что тебе монастырь какой. Только вместо башен вышки сторожевые, а заместо церкви крематорная труба. Стены из гранита с колючей проволокой поверху.

Въехали мы во двор, из автобуса вышли и к воротам главным направились. Там у самого входа памятник из белого мрамора нашему генералу Карбышеву. Стоит он будто в глыбе льда: эсэсовцы его тут замутили, водой обливали на морозе. Мы цветы красные к подножью возложили. Почтили его память и память всех наших ребят. Тридцать две тысячи их там сгинуло...

Потом зашли в сам лагерь. Вход, между прочим, платный. И вот кожу я по лагерю, в бараки захожу, смотрю везде и чую: что-то не так, чего-то мне не хватает. Потом только дошло, отчего это. А оттого,

что все у них сейчас там побелено, покрашено и прибрано. Полы в бараках перебраны, а стены даже лаком покрыты. Вроде бы не ад здесь был, а самый настоящий дом отдыха.

Так же вот и в крематории, в самом адовом месте. С виду дом как дом, а в подвал, где печи стоят, спускаешься, как в преисподнюю. Музей там сейчас у них устроен. В витринах одежонка лагерников, обутка, кусок человеческой кожи с выколкой и вообще такие вещи, что озnob берет. На щитах особых фотографии большие висят.

Смотрю я на одну, а там шеренга наших ребят в гимнастерках. Одни босые совсем, у других ноги тряпьем обмотаны. Ребята все молоденькие. Глянул я на лица и сперва глазам своим не поверили: Алешка ведь тут стоит. Я вроде даже вскрикнул тогда. Наши побежали, спрашивают, что да чего, а я и слова сказать не могу. Горло сдавило — не дыхнуть. На стул меня посадили, воды принесли, отошло. «Братишка, — говорю, — мой младший, Алексей. Вон, второй справа».

Так вот мы с ним и встретились.

Потом я еще одно заметил: стены, где печи стоят, прямо усеяны фотокарточками людей, здесь погибших. И под каждой надпись по-иностранныму. Сколько я ни глядел, ни одной русской буквы не увидел. Была у меня с собой Алексеева довоенная карточка. Достал я ее, прикрепил среди других и написал: «Разгуляев Алексей Андреевич. Погиб за Родину».

А карточку, где Алексей с товарищами снят, только поменьше, мне в музее дали.

Вышли мы наверх, а переводчица наша, молоденькая девушка, вдруг торопить нас начала. Мол, надо дальше ехать, а то опаздываем. «Ну нет, — думаю, — милая моя. Я здесь первый, а может, и последний раз нахожусь, так что спешить мне ни к чему».

Вышел я из ворот и вниз по уклону в каменолому направился по дороге, а та у самого обрыва к лестнице каменной подходит. Прошелся я по ней, постоял внизу, где Алексей последний свой день прожил, и на верх поднялся.

Когда поехали, переводчица ко мне подсела. «Вы, — говорит, — извините, что я вас так торопила. Я не люблю в это место туристов привозить, особенно русских. После этой экскурсии они становятся совсем

другими, и мне, говорит, кажется, что они обо мне плохо думают, и я чувствую себя в чем-то виноватой».

«Пигалица, думаю, ты этакая, да кто против тебя чего имеет? Ты еще и на свете-то не была, когда тут все дела творились».

А пигалица-то все же права оказалась. С того самого часа злость какая-то во мне на тамошних господ поднялась. Разговаривать и смотреть на них спокойно не могу. Умом чую, что неправ, а нутро не принимает. Равнодушные они какие-то. От сытости, что-ли, не знаю. А может, это у них в крови. Вот ведь музыку как здорово любят. Слушали мы как-то в одном соборе, как орган играет. Музыка истинно божественная. Закроешь глаза, и кажется, будто над землей паришь. Не высказать, как хорошо. А как подумал я, что эта музыка и тогда игралась, когда здесь рядом, на этой вот земле, фашисты людей тысячами в печах жгли, так и страшно мне стало. Детишек малых и тех... в печь... под эту же музыку...

А они кровь-то лаком замазывают. Так ведь не замажешь! Она и сквозь лак и белила пропустит... Вот такая, брат, история.

— А Гришка этот? — спросил Лукич.

— Гришка? Он свое отсидел и домой приехал. Я его, суку, в чайной по пьяному делу как-то и прихватил. Так он, сволочь, и сопротивляться не стал. Обмяк сразу, согнулся и слова не сказал. После этого уехал отсюда, и я его много лет не видел. Родители умерли у него, а за домом сестра смотрела. Теперь тут живет. Только редко дома-то бывает. Шабашит он в плотницкой артели в другом районе. Говорят, там и бабу нашел. И вот заметь, что спать будет со светом. Он у него в избе и в сенях, и на дворе. Так всю ночь и горит. Видно, все-таки совесть его жуёт. Так и будет его карать до гроба эта высшая мера. А может, он и меня боится... Но я ничего с ним не сделаю. Свое он получил, и теперь уж за него отвечать придется, ежели что. Да я об этого червя и руки-то марать не буду...

Рано утром мы с Лукичом уходили из села. Все еще горел свет в окнах соседнего дома, который почти не отличался от других домов на этой тихой деревенской улице. Только стоял он с плотно притворенными ставнями. Чужой среди своих.

ДЕСЯТЬ НА ДЕСЯТЬ

Он и сам не помнил, с каких пор это у него началось. Может быть, даже с самого детства Иван Макарыч Теребилов, бывший леспромхозовский кузнец, а ныне пенсионер, считал весну началом нового года, январского не признавал.

В конце апреля, когда земля вбирала последний снег, разбухала и парила под солнцем, Макарыч чувствовал себя так, будто вновь на свет родился. Он по долгу бывал на улице, дышал с наслаждением вкусным, с холодком, воздухом, словно заряжался перед заботами, которые начинались для него с этого времени. А их и впрямь было немало. Без всяких там выходных.

Перво-наперво Макарыч доводил «до ума» веранду. Подновлял обои, убирал из комнатушки все лишнее, красил пол: на лето из Воркуты приезжала дочка Нюрка со всем семейством. Тут на веранде они всегда спали.

Сегодня с утра Макарыч возился у верстака, приставленного к стене сараюшки на задворках, и мастерил стол. Вернее, переделывал старый: выстругивал из соснового бруска ножки. Радуясь солнышку и теплу, он давно скинул пиджак и работал в одной рубахе. Кепка-восьмиклинка едва держалась на затылке. Работа ладилась, и Макарыч даже мурлыкал от удовольствия.

И на Тихом океане
Ой да свой закончили поход...

Макарыч и не заметил, как через негромко хлопнувшую калитку палисада во двор зашел Генаха Баранов, колхозный бригадир. В огромных, вымазанных землей, бродовых сапогах и в сером потертом плаще Генаха выглядел усталым. На левом плече его висела мерная сажень, похожая на букву «А» в широкую раскорячку.

— Труд на пользу,— приветствовал Генаха Макарыча, приподняв за козырек фуражку.

— Привет сельским активистам,— Макарыч обернулся и отложил рубанок.— Проходи, садись да хвастай.

— Хвастать-то особо нечем.

— По тебе видно. Трудишься, что ли, сегодня? —
Макарыч показал на сажень.

— Не говори. Указ из правления вышел: обмерять участки. Вот и хожу, считаю.

— Чтобы лишка у кого не было?

— Выходит, так. Вот теперь очередь к тебе подошла. Ты на меня, Макарыч, не серчай, а разреши пройти.

— Чего мне на тебя серчать. Проходи да делай свое дело. Только тут и замерять-то вроде нечего. Спокон веку этим огородом живем. И старики наши, и мы, и детки на нем выросли. Лишка-та и не бывало.

Иван Макарыч взял рубанок, выковырял щепкой застрявшую под ножом стружку, дунул туда для порядка и принял было опять стругать брус. Он старался не смотреть туда, где Генаха, хлопая голенищами своих резиновиков, ковылял меркой и негромко считал сажени. Но больше, хоть убей, не работалось.

Макарыч накинул на плечи пиджак, подошел к крыльцу, сел на приступок и закурил. Отсюда ему хорошо было видно, как Баранов, кончив замерять, что-то записывает в блокнот. Потом Генаха вышел из огорода и присел рядом с Макарычем.

— Ну, чего намерил?

Не отвечая, Генаха прикурил и глубоко затянулся.

— Шестнадцать соток насчитал у тебя.

— Так оно и должно.

— Должно-то должно, да правление постановило иметь по пятнадцать соток на человека. Поскольку твоя Агния колхозный пенсионер, за ней эти пятнадцать и запишут. Одна, выходит, у вас сотка лишняя.

— Ну-ну,— Макарыч шумно затянулся.— Пятнадцать соток на человека. Получается, что я уж и не человек вроде, коли мне ничего не положено. Даже сотки одной.

На крыльце вышла Агния, жена Макарыча, и прислушалась к разговору мужиков.

— Работал бы не в леспромхозе, так и тебе бы пятнадцать нарезали,— проговорила она.

— Да я разве в Америке кувалдой-то махал, мать-перемать! — закричал Макарыч и вскочил с приступка.— Разве мы не на одной земле работали, не у одного хозяина?! Я к тебе на выходной-то не из-за границы приезжал.

Генаха почесал затылок.

— Вот что, Макарыч. Давай сделаем так: я пишу, что у вас только пятнадцать соток и лишка нету. А проверять никто не будет и не отрежут.

— Ну уж нет,— запротестовал Макарыч.— Это получится, что я вроде как украл. Сроду такого за собой не имею и на старости лет срамиться не буду. Не хочу так. А запиши, что у меня лишняя сотка.

— Дело твое.

— Только как ее отрезать-то будут? Все равно ведь она в моем огороде останется.

— А ты за баней ничего не сади. Там у тебя как раз с сотку и будет.

— Так ведь земля-та! — почти простонал Макарыч.

Баранов, не отвечая, пошел со двора. Макарыч направился было в избу, но, взойдя на крыльце, остановился, посмотрел на огород, потом спустился и направился туда.

За баней было тепло и тихо. Примяв прошлогоднюю траву, Макарыч присел на завалинку, прислонился к шершавой нагретой солнцем стене бани и задумался. Влажная, еще только сверху начинаящая просыхать земля лежала у его ног. Так, ничего особенного. Небольшой клочок. Десять на десять.

Вот ведь бывает же так. Живешь себе, делаешь каждый день свое дело и вроде думать особо не о чем. Но случится вдруг толчок какой-то изнутри или со стороны, и лезут в голову всякие мысли и беспокоят душу. В такие минуты ничего не хочется делать. Сидишь, как истукан, глядя в одну точку, и ничего не видишь. Только, бывает, проносится в голове вся твоя жизнь вот до этого самого дня, и мелькают одна за одной ее картины, будто сидишь у окна в скором поезде, лежащем стрелой мимо одних остановок и стоящем подолгу на других.

Макарыч сейчас вспоминал историю, слышанную когда-то от матери. Сам-то он не мог помнить: мал был для этого. А вот мать его Наталья Теребилова поминала ее до самого смертного часа...

...В семнадцатом году увез ее, молодую девчонку, солдат-сибиряк Макар Теребилов в свое село под Ишим. Только недолго они пожили вместе. Село заняли колчаковцы, и бывший артиллерист ушел в партизаны.

Наталья редко видела мужа. Считанные разы появился он за тот год дома, да и то все по ночам.

Но вот однажды теплым июньским утром к ней в избу влетела соседка.

— Каратели много наших мужиков схватили. К овинам ведут. Твой Макар там.

Не помня себя, Наталья, захватив грудного сына, побежала на окраину села. Она едва не лишилась рассудка, когда увидела мужа в строю пленных партизан. Босой, в рваной и грязной гимнастерке, Макар поддерживал раненого товарища и все смотрел и смотрел на стоящую за солдатским оцеплением толпу односельчан. Было тихо. Только голос пьяного белогвардейского офицера гремел над оклицией.

В распахнутом от ворота френче, перехваченном ремнями, в фуражке, сдвинутой на затылок, офицер держал в правой руке револьвер, а в левой плетку. Его светлый френч и молодое лицо, и блестящие сапоги никак не вязались с теми словами, которые извергал он на приговоренных партизан, стоявших перед ним неровной шеренгой.

— Красные сволочи! — орал белогвардеец, — Земли захотели! Будет вам земля! Сейчас отмерю! На всех!

Офицер, широко размахивая руками, прошелся вдоль шеренги, отсчитав десять шагов. Повернулся на каблуке, сделав отметину. Отсчитал еще десять в другую сторону. Прошел вдоль шеренги за спинами пленных и опять встал перед ними, широко расставив ноги.

— Вот вам земля, скоты! Десять на десять. По сажени на рыло. Копайте же, сволочи, вашу землю!

Никто из партизан не шелохнулся. Все хмуро смотрели на карателя. В толпе крестьян за оцеплением заволновались. Заголосили бабы, заплакали ребятишки.

— Молчать! — заорал офицер и выстрелил в воздух.

Кто-то из сельчан выхватил у Натальи из рук Ванюшку и поднял над толпой. Макар заметил, закричал что-то, но крик его оборвали винтовочные залпы...

...Иван Макарыч вышел из огорода.

— Иван, — окликнула его Агния, — Ты в голову-то это особо не бери. Проживем. Много ли нам надо.

— Не в этом дело. — Макарыч хотел было все объяснить жене, но раздумал и махнул рукой.

...Война для него не кончилась весной сорок пятого. Их полк морской пехоты перебросили на Дальний Восток. Много у Макарыча было в то время страшных ночей, но та августовская ночь, ночь боя за сопку, что встала на пути полка, осталась в нем навсегда.

Приказ был короток: роте автоматчиков взять высоту, где окопались японцы, и держать ее до подхода второго эшелона. Вечером под прикрытием тумана матросы шесть раз поднимались в атаку, а когда все же взяли высоту, от роты осталось семеро. Всю ночь японцы пытались отобрать сопку. Семеро отбили четырнадцать атак. Японское «банзай» и сейчас звенит в ушах. К утру, когда пришло подкрепление, в живых осталось трое.

Когда Ивана, раненного в плечо и голову, санитары уносили с высоты, он только тогда при свете утра разглядел по-настоящему лысую вершину сопки, изрезанную окопчиками, в которых вперемешку с японцами лежали его друзья. Вершина эта была совсем небольшим клочком земли. Так, десять на десять...

ЗАРИСОВКИ

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

Родина лечит... В этом убеждаешься всякий раз, когда побываешь дома на родной земле, если, конечно, ты живешь вдалеке.

Воспоминания детства и юности — твои непременные спутники во все дни и во всех местах, куда бы ты ни шел: вот здесь мы — мальчишки — любили загорать на острове посреди реки и здесь же проходили все наши игры, туда вниз по реке мы обычно ходили на рыбалку до самой Поповой пропасти.

А вот моя школа — бывшие игуменские палаты древнего монастыря. Я помню, как пришел сюда в первый класс, как писали мы на случайных бумажках — оборотных сторонах каких-то квитанций, между строчек каких-то брошюр. Шел последний год войны и тетрадей у нас не было, а букварь был один на четырех. Я помню, как проходил наш выпускной вечер в школе, когда мы после седьмого класса покидали ее...

Почему же родина лечит?

Мне думается потому, что там, на твоей малой родине — в деревне, поселке, районном городке или улице большого города, — все твои заботы, горести жизни и работы отступают далеко-далеко. Порой даже кажется, что их и нет вовсе. Ты вдруг с радостным удивлением замечаешь, что есть, живет и здравствует та, другая жизнь, с которой ты когда-то вольно или невольно простился и которой тебе всегда не хватало.

С той же радостью ты отмечаешь, что как бы трудно ни было в жизни, ты можешь быть принят своей

родиной и, если ты перед нею чист, тебе будет здесь всегда хорошо и спокойно. И ты всякий раз будешь благодарно говорить: спасибо тебе, родная земля.

Не это ли чувство назвал когда-то поэт памятью сердца?

У СТАРОЙ МЕЛЬНИЦЫ

Авдотья доживала последние дни. Это знали все, только не говорили ей. Но Авдотья и сама догадывалась — трудно думать иначе на девятом десятке лет да при таком плохом здоровье, как в это лето.

Старуха почти не вставала с постели, а если и случалось такое, то передвигалась с помощью дочки Катерины или шла сама, медленно, осторожно, держась руками за переборки. Сильно болело в груди, и каждый день фельдшер из медпункта Галина Сергеевна, приходя к бабке, делала ей обезболивающие уколы.

В хорошую погоду Авдотью выносили на улицу и укладывали на раскладушке под старой черемухой, посаженной в тот далекий, но памятный год, когда ее, молодую Дуняшу, вводил хозяйкой в новую избу красивый и сильный Степан-кузнец.

Дом стоял на невысоком берегу Кокшеньги у Старой мельницы, которая давно не работала и тоже доживала свой век. Жила Авдотья с Катериной вдвоем. Но каждое лето к ним приезжал в отпуск из Москвы младший сын Катерины Михаил с женой и маленьким Бориской. Нынче они опять гостили здесь.

Был нежаркий день начала июня, когда старая Авдотья заняла свое место под черемухой. Михаил еще рано утром ушел с удочкой вниз по Кокшеньге. Катерина со снохой Людмилой хлопотала в огороде. Только трехлетний Бориска, вообразив себя шофером, возился с игрушечным самосвалом. О многом за эти дни передумала Авдотья, многое вспомнила. Рада была она, что ее долгая жизнь прожита не зря. Все дети давным-давно выросли, и не ее вина, что не все они сейчас рядом с ней. Рада и от того, что дожила до правнуков — Шурка... Танюшка... Бориска...

«Бориска?..» — Авдотья повернула голову и посмотрела туда, где играл маленький правнук. Но там его не было. На песке только самосвал лежал вверх колесами. Авдотья посмотрела в другую сторону,

но и там не увидела Бориски. Она забеспокоилась, приподнялась с подушек и ужаснулась: малыш играл в воде.

Она знала: у самого берега мелко, но в десяти шагах был глубокий обрыв — Илькина ямка, как исстари называли это место.

— Катерина, Людмила! Бориско-то в воде! Не утонул бы... Люди!.. — изо всех сил закричала Авдотья. Но это ей только казалось, что она кричала. Сдавленный хриплый голос не услышал никто.

А Бориска, брызгаясь водой, уходил все дальше и дальше в реку.

С большим трудом Авдотья встала с постели и схватилась за ствол черемухи. Рядом с деревом — палисад. Держась за колья, старуха добралась до его края. Больше опоры не было. Тогда Авдотья опустилась на землю и поползла.

— Бориско!.. Боренька!.. Дитятко, родной мой, иди ко мне, внучек! Ой, господи! — кричала, плача, Авдотья.

Малыш ее не слышал. Он шлепал по воде ручонками, поднимая веер брызг, в которых радугой отражалось солнце, и это его забавляло. Бориска смеялся, что-то радостно кричал, совсем не подозревая об опасности. И все дальше уходил от берега. Еще шаг, еще...

И вдруг громкий протяжный крик резанул над рекой воздух. Это из груди Авдотьи вырвался отчаянный вопль. Она рывком вскочила на ноги и бросилась в реку. Авдотья бежала по мелководью, спотыкаясь и падая, но каждый раз она снова поднималась и устремлялась к Бориске.

А тот, услышав крик, обернулся, да так и застыл, испуганно глядя на бежавшую к нему бабушку с искаженным болью лицом, покрытым мокрыми прядями.

Авдотья схватила Бориску. С ребенком на руках старуха кинулась обратно, но до берега не дошла. Она упала, успев только выбросить на мокрый песок правнука.

На крики и плач Бориски сбежались люди. Бездыханное тело старой Авдотьи лежало в воде. На песке возле седой головы старухи плакал спасенный Бориска. Его все еще крепко держали пальцы прабабки Авдотьи.

В КУЗНИЦЕ

В распахнутые настежь двери старой кузни тянет прохладным утренним ветерком с ароматом свежескошенной, начавшей вянуть травы. В кузне полу-мрак. Сквозь щели в тесовой крыше пробивается тонкий солнечный лучик, застывая на земляном полу ослепительно белым пятном. В углу тяжело, с надрывом дышит большой кожаный мех, и с каждым его вздохом тугие беловатые струйки пламени шипя рвутся из-под углей горна, освещая дрожащим светом закопченные стены кузницы.

Семен, в брезентовом длинном, почти до земли фартуке, медленно поворачивая клещами заготовки, задумчиво смотрит на пляшущее пламя.

Вчера под вечер отвез Семен на председательском газике свою жену в городскую «родилку». Давно, с самых первых лет их совместной жизни мечтает он о сыне, а растут у них с Софьей четыре дочки.

«Не семья, а бабком», — часто ворчит кузнец. Сейчас Семен опять думает о том же. Эх, если бы все знали, как ему нужен сын. Помощник. Наследник. Тогда и мужики при встрече перестали бы зубоскальть и называть его «дамским мастером». Рано утром Семен дважды звонил в город и спрашивался о Софье, но она еще не родила. Нет ничего хуже томительного ожидания. И тоскливо и грустно.

— Поехали, — бросает Семен молотобойцу Леньке, стоящему у меха. Тот подходит и, поплевав на ладони, берет в руки кувалду. Кузнец выхватывает из огня раскаленную добела заготовку и кладет ее на наковальню. Кивком головы подает команду Леньке. Громкие звенящие удары заполняют кузницу.

— Сын... сын... сын... — гулко ухает Ленькина кувалда.

— Так-так... так-так... — вторит ей звонкой дробью Семенов ручник, выбивая замысловатые плясовые коленца.

Этот разговор идет до тех пор, покуда все заготовки не ложатся у ног Семена аккуратной стопкой сероватых подобий болтов.

— Шабаш. — Семен кидает на землю последнюю поковку и вытирает со лба пот.

Ленька, у которого стала мокрой рубаха, идет передохнуть к дверям, на свежий воздух. Семен смахивает фартуком окалину с наковальни, садится и, достав из кармана жестянную баночку с махоркой, сворачивает «козью ножку». Он всегда курит только махорку и только в «козьей ножке».

Назовет он сына, конечно, Иваном. В честь деда, от которого принял Семен, как эстафету, ремесло кузнеца. Сыну его и передаст. Иван... Ваня... Ванечка... Ванюшка... Иван Семенович...

«Ну а ежели опять дочь?» — гложет сомнение Семена.

Об этом не хочется думать...

В проем дверей ему видно, как от колхозной конторы к кузне по тропинке, заросшей зеленым подорожником, бежит Галка, колхозный счетовод.

— Дядя Сема! — еще издали кричит Галка. — Вас к телефону. Из города.

Семен бросает недокуренную цигарку. Та рассыпается по полу веером желтых брызг. Сначала широким размашистым шагом, а потом бегом кузнец мчится в контору. На столе среди бумаг чернеет телефонная трубка. Семен хватает ее.

— Але, слушаю!

— Это вы, Семен Иваныч, — слышится в трубке женский голос.

— Я, я!.. Да ты не тяни, говори. Ну!

— С дочками вас, Семен Ива...

— Что?! — перебивая, кричит кузнец, — с какими дочками?

В трубке засмеялись.

— Жена ваша родила двух девочек. Двойняшки! Поздравляем вас!

У Семена запершило в горле.

— Спасибо. — Не сразу и тихим голосом отвечает он и, стоя у переборки, долго с тоскойглядит в окно. Черная телефонная трубка тоненько пищит у него в руке.

ДОРОГА

Свой отпуск я обычно провожу в деревне у матери. Из ее писем я узнаю обо всех, даже самых маленьких деревенских новостях.

Но бывает так: вдруг заноет где-то внутри, защемит, и захватывает меня всего неодолимое желание ехать в деревню немедленно. Сегодня. Сейчас.

Хорошо, если есть отгул. Тогда проще. Тогда я после смены захожу в красный уголок цеха, где собираются на рапорт старшие участков и провинившиеся для получения «ОВ» — «очередного вливания».

Пока идет разбор смены и выясняются отношения, я терпеливо жду. Когда страсти утихают, и все идут в душевую, мастер замечает меня:

— А ты, Павел, чего здесь? Тебя сегодня, кажется, не оставляли. Или я опять отгул должен?

— Два.

— Два? — усталое лицо мастера делается грустным и смешным.

— Сейчас... Погоди...

Он достает из нагрудного кармана куртки записную книжку с голубыми корочками, которую иногда называет «черной».

— Да, ты прав, два. Ну что ж, ступай отдыхай...

После работы я в бегах по магазинам. Покупаю подарки маме, а вечером, собрав рюкзак, в позднем трамвае трясусь на вокзал, где встаю в очередь таких же, как и я, отъезжающих и покупаю билет в жесткий общий вагон до самой нашей станции Буяновки.

До прихода поезда еще долго, почти целый час, и я брожу по станции, где, несмотря на ночное время, так же светло и шумно, как днем. Я люблю вокзалы. Здесь никогда нет тишины. Всегда работа, всегда жизнь. Спешат куда-то поезд. Спешат люди. И нет конца этому движению, как не было, наверное, и начала...

Кончается мое ожидание, когда бесстрастный голос дежурного разносится из динамика по всему перрону: «Поезд номер девяносто пять прибывает на первый путь... Будьте осторожны...»

Заспанный проводник с цветными флагками под мышкой проверяет мой билет, и я поднимаюсь в вагон. В вагоне тихо. «Граждане пассажиры» спят, утомленные заботами и дорогой. Только вновь вошедшие, устраиваясь, недолго нарушают эту сонную тишину, и когда поезд, чуть вздрогнув, трогается, в вагоне опять наступает спокойствие, нарушенное лишь глуховатым

разговором колес. Теперь можно и отдохнуть. Можно даже забраться на верхнюю полку и лечь спать, но мне обычно не спится. Я нахожу себе место у окна за маленьким квадратным столиком и прикаю к стеклу... За окном, как проявитель по фотобумаге, уже растекается по земле серый рассвет, и медленно появляются из ночи, часто меняясь, лесные пейзажи. Вон там вдалеке бежит и бежит вместе с поездом яркий огонек: то ли какой полуношник засиделся так долго, то ли кого так рано подняли сегодняшние заботы...

Так я и сижу у окна до самой Буяновки, о приближении которой узнаю по знакомым местам, да и проводник начинает уборку в вагоне: он всегда это делает перед большими остановками.

Ранним утром на перроне Буяновки свежо и чисто. Солнце еще только-только встает за дальним лесом. Там, у самой его кромки — железнодорожный переезд и дорога на Сухой Бор.

Автобуса или попутной машины в такую рань не бывает, и я, закинув рюкзак за плечи, шагаю к переезду по смолистым шпалам.

Вот и полосатые журавли шлагбаума. Отсюда начинается моя дорога. Мы знакомы с нею давно, и когда я, разувшись, ступаю босыми ногами по ее теплому песку, мне кажется, что я уже дома и никуда не уходил отсюда.

Здесь ничего не изменилось. Все те же зеленогриевые сосны стоят по обеим сторонам дороги. Их стволы, словно покрытые листочками золота, рыжевато отливают на солнце. Дышится легко и свободно. Легкий ветерок покачивает вершины сосен и, напоенный запахом хвои, ласково овеивает лицо. Я часто останавливаюсь и, закрыв глаза, долго и жадно дышу этим воздухом, пахнущим солнцем и лесом. Тишина необыкновенная. Только чуть слышно шелестят листовой редкие березки, да откуда-то из глубины леса доносится сюда дальnezvonkij крик кукушки. Как давно я не слышал такой тишины и не вдыхал такого воздуха.

Поворот за поворотом, и я незаметно подхожу к небольшому лесному ручью. Отсюда до Сухого Бора два километра. Здесь на тесовом мостике через ручей я сбрасываю с плеч рюкзак, снимаю рубашку и умываюсь по пояс холодной ключевой водой...

Перед самым селом развилка дорог. Я не иду по новой, а сворачиваю на знакомую и привычную мне старую сухоборскую дорогу и шагаю по ней, увязая в сыпучем, чуть прохладном песке. Старухи сосны, по-родственному обнявшись вверху своими мохнатыми лапами, почти не пропускают сюда солнца, и поэтому здесь немного сумрачно и прохладно.

Дорога выводит меня из леса на большой холм. С него видно все наше село. Внизу знакомые ряды изб по обоим берегам Тебзы. Вон там слева, у самого моста, окнами на реку и мой родной дом с березой перед ним и скворечником на самой ее верхушке.

Интересно, что там делает сейчас мама? Скорее всего, она в огороде...

Я подойду сейчас к садовой калитке и негромко скажу:

— Здравствуй, мама...

Она обернется, удивленно и радостно скажет:

— Паня! Сынок! Батюшки, приехал.

А потом, вытирая на ходу фартуком руки, побежит мне навстречу.

В избе с цветными домоткаными половиками на белом, чисто выскобленном полу мама будет хлопотать у самовара, а я побегу на реку. Булыхнусь с берега в воду и поплычу саженками на ту сторону Тебзы.

Пока я барабаюсь и плещусь в воде, самовар уже будет готов, а мама распахнет окно и позовет меня завтракать. Потом она сядет напротив, станет потчевать меня чаем и рассказывать все деревенские «последние известия». Затем на сельнице со свежим сеном она постелет мне отдохнуть с дороги... Целых два дня я буду дома. С этой мыслью я засну и во сне, наверное, буду улыбаться.

СЛЕЗЫ

Это случилось в День Победы.

Когда мы сели завтракать, дед мой, старый плотник и старый солдат, налив себе стакан вина, встал из-за стола и подошел к стене, где у зеркала висели в резных самодельных рамках давнишние фотографии, и я вдруг увидел в глазах его слезы. Они текли по морщинистым щекам, и это меня поразило.

Я спросил:

— Деда, зачем ты плачешь?

Он вытер широкой ладонью щеки, обнял меня и ничего не ответил.

До этого я думал, что мужчины никогда не плачут.

ТРЕВОГА

У сельсовета, простой крестьянской избы, толпился народ. Так бывало здесь только по большим праздникам. Сегодня же день обычный, будний.

С настороженными и грустными лицами у палисадника перед домом стояли бабы и тихо разговаривали. Рядом, на сосновых облысенных бревнах сидели и курили старики. Под окнами сельсовета за светлым полированным столом, который выглядел здесь на улице как-то непривычно, сидел пожилой усталый майор. К нему по очереди подходили мужчины и парни с повестками в руках.

Майор коротко говорил с каждым и делал запись в большой конторской книге.

Два колхозных грузовика стояли поблизости на дороге...

— Не горюй, Фектиста. Ничего худого с твоим Серегой не сделают. Ученья это, говорят, военкоматские, — успокаивал дед Алексей маленькую полную женщину с заплаканными красными глазами.

— Мало ли что говорят, — обернулась тетка Фектиста, — знаю я эти ученья. В сорок первом как раз в эту пору Павла моего тоже на ученья взяли, а я вот и сейчас все жду. Больше тридцати годов, как война-то кончилась, а почитай газеты-то: каждый день где-нибудь стреляют.

— Читаю, как не читаю. Фашисты опять хвост подымают. — Он достал портсигар и задымил папиросой.

Очередь к столу майора подходила к концу, когда со стороны реки вдруг послышались звуки гармошки.

— Ну вот и самый главный жалует, — заговорили в толпе.

— Теперь веселее будет.

По мосту через речку Колому шел, направляясь к сельсовету, зареченский тракторист и гармонист Ром-

ка Большаков. Жена его Лида, небольшого роста, смуглолицая молодая женщина, шагала рядом с мужем, задумчиво и грустно глядя перед собой. Одной рукой она придерживала перекинутый через плечо Ромкин рюкзак, другой самого Ромку, идущего на нетрезвых ногах. А тот, как будто его и не касалось все здесь происходящее, широко распахивал синие меха своей «хромки».

А что ты, новая из Вологды,
Невесело поешь?
Да или ты, моя хорошая,
Любить перестаешь?..

Подойдя к сельсовету, Ромка передал гармонь жене, а сам старателльным, как на строевом плацу, шагом направился к столу.

— Товарищ майор, — громко доложил он, — гвардии ефрейтор запаса Большаков по вашему приказанию прибыл!

— Здравствуйте, — майор взял у тракториста повестку, — где служил такой боевой?

— В воздушно-десантных войсках. Парашютисты, товарищ майор, все ребята боевые.

— Ну это мы увидим... Поедете на второй машине.

— Есть! — Ромка козырнул и повернулся, звучно хлопнув голенищами своих рабочих кирзовиков.

Тетка Феоктиста поправила на голове платок и подошла к майору.

— Ты куда их, батюшко, повезешь-то? Не на станцию ли?

— Мы, мамаша, повезем их туда, куда машины поедут, — ответил майор, не отрываясь от дела.

— Ну-ну, — протянула Феоктиста и пошла к машинам.

— Миш, а Миш, — обратилась она к одному из шоферов, — скажи хоть, куда мужиков повезешь?

— А я почем знаю. Куда прикажут, туда и повезу. Ты об этом лучше у самого спроси. — И он, усмехнувшись, кивнул в сторону майора.

— Да ну вас к лешему! — рассердилась Феоктиста и, махнув рукой, отошла к сыну, сидевшему на бревнах с женой и дочкой. Все вокруг стояли и сидели небольшими семейными островками.

Майор собрал со стола бумаги, положив часть из них в свою полевую сумку. Потом, захватив толстую

книгу, в которой он отмечал прибывших на сборный пункт запасников, поднялся по ступенькам крыльца в здание сельсовета. А когда через некоторое время вышел оттуда, то прямо с крыльца зычно прокричал:

— По машинам!

Люди встрепенулись, заговорили громко и разом.

Мужики, торопливо прощаясь с родными, полезли на грузовики.

— Заводи! — перекрывая голоса людей, еще раз протяжно крикнул майор и сел в кабину переднего газика, сильно хлопнув дверцей.

Заурчали моторы, заголосили бабы, заиграла Ромкина гармошка.

А дорогой братишка мой,
Давай поделимся с тобой:
Тебе траву в лугах косить,
А мне винтовочку носить.

Машины медленно одна за другой выбрались на каменку и, набирая скорость, понеслись по дороге к темнеющему лесу, в котором вскоре и скрылись.

У сельсовета стало тихо и пусто. Никто не расходился. Все чего-то ждали.

С надеждой, печальными глазами, к которым она то и дело подносила скомканный платок, тетка Феоктиста смотрела на дорогу. Точно так же было и в тот июньский день, чем-то похожий на сегодняшний. Только тогда она была на много лет моложе.

В КИНО

Однажды мы с пятилетним Стасом смотрели на детском сеансе «Ну, погоди!». В зале, полном ребятни, стоял такой шум, будто прилетела сюда стая грачей. Взрывы ребячьего хохота сопровождали все приключения глупого волка и неуловимого зайца. Да я и сам хохотал, следя за их похождениями.

Только Стас не смеялся. Он даже не улыбнулся ни разу, он молчал...

Когда вышли из зала и я спросил его, почему он не смеялся, Стас ответил:

— Мне волка жалко.

БЕРЕЗЫ

Мне помнится, как много лет назад мой дядя Иван Лукич Силин посадил под окнами своего дома тонкую березку. Это случилось, когда тетка Шура родила дочку. А дядя Ваня, я помню это точно, мечтал посадить дубок...

Случилось так, что только через несколько лет мне удалось побывать снова в родных Камешках на берегу извилистой Письмы. Перед окнами дядиного дома стояли рядышком друг к другу шесть молоденьких белоногих берез.

ДАНКЕ ШЕН

Солнце, казалось, хотело расплавить Вену. Чувствовалось, как асфальт и стены домов пышут жаром, и не было от него спасения даже в тени деревьев старого Пратера. Но мы, как и положено туристам, смиренной стайкой ходили за своим гидом фройляйн Гердой.

Она, влюбленная в свой город, возила нас на автобусе, водила по площадям и улицам, сокрушалась, что не может показать всю красавицу Вену.

Громада дворца Шенбрунн и Венская опера, старые готические соборы и жемчужина венского барокко Бельведер, отлитые в бронзе Моцарт, Шуберт, Штраус, Брамс и еще многое другое проходило перед нашими глазами, и мы не роптали на жару. Но когда по винтовой лестнице в триста ступеней поднялись на высоченную башню собора Стефана и затем спустились обратно, получив в награду по значку за это «восхождение», мы сдались и взмолились.

Герда, видно, и сама устала, потому что предложила посидеть в кафе или баре. Они в Вене на каждом шагу и, говорят, что начали шествовать по свету именно отсюда.

В узенькой улочке, неподалеку от собора, мы шумно устроились за столиками, вынесеннымными прямо на улицу под деревья. Все заказали пиво. Даже наши девчонки, раньше пренебрегавшие им, сейчас тянули его вдохновенно.

Народу почти не было. Лишь две дамы, через соломинку смакующие «кока-кола», да пожилой венец,

пьющий пиво у стойки, с любопытством взирали на нашу веселую компанию...

Был последний день нашего путешествия по Австрии. Вечером — прогулка по Венскому лесу и прощальный вечер в винном кабачке. Так записано в программе, где наше время размечено по дням и часам.

До поездки я много читал об этой стране, но от всего прочитанного остались в памяти разве что некоторые названия. Здесь же я открывал для себя каждый день все, что было скрыто за этими названиями, а это всегда интересно. Слов нет, здесь было хорошо, даже очень, но домой тоже очень хотелось...

Ребята запели «Стеньку Разина». Не знаю почему, но эта песня из всех русских самая известная в Австрии. Порой нас просили петь ее, и при этом всегда собирались толпа. Вот и в кафе заметно прибавилось народа, а довольный хозяин за стойкой виртуозно наливал в кружки густопенистое пиво.

Старик пересел за соседний столик, и я заметил, что он внимательно прислушивается к нашим разговорам. На нем была синяя форменная куртка с петличками. Такого же цвета фуражка с кокардой и кожаная сумка, похожая на кондукторскую, лежали на стуле. Я сидел к нему ближе всех и поэтому не удивился, когда старик поднялся и подошел к нашему столику.

— Разрешите? — сказал он по-русски.

— Конечно, пожалуйста.

Я пододвинул ему стул.

— Извините, вы из России?

— Да.

— Я давно не видел русских, — проговорил старик и, протянув руку, представился: — Меня зовут Пауль Зиллер.

— Павел, — назвал я себя.

— О! — воскликнул венец, — тезка. Очень приятно. Будем знакомы. Вы давно в Австрии?

— Вторую неделю.

— И где успели побывать?

— Линц, Зальцбург, Инсбрук.

— О, у вас богатая программа. Вам понравилось у нас?

— Очень. Особенно на родине Моцарта в Зальцбурге. Потом горная дорога в Альпах и Тироль. Та-

кие места редко где встретишь. Ну и, конечно, Вена. Не зря её называют прекрасной...

— Спасибо. Вы так хорошо сказали о нашей стране и о Вене.

Старик говорил медленно, с трудом подбирая слова, но я понимал его хорошо. Правда, я не решался как-нибудь называть его. Привычное наше «товарищ» к нему не подходило, а «господин» было для меня непривычным.

— А где вы научились нашему языку? — поинтересовался я.

Старик ответил не сразу, не спеша глотнув из кружки пива.

— Плен... Я был в русском плену. Пять,— он показал на пальцах,— пять лет.

— Где?

— О, костромские леса. Река Унжа. Слышали? Я кивнул.

— Мы работали в лес... О, эти трудные русские названия...

— В леспромхозе? — подсказал я.

— Да, да... Пилили дровишки... Как это по-русски? — старик, смеясь, подвигал рукой, будто работал пилой: — «Тебе — мне, тебе — мне, а что отрежется — государству».

Захотелось узнать, где он воевал и был взят в плен, и я спросил его об этом.

Старик опять помедлил с ответом.

— Это... место знают все... Сталинград... Я воевал там... зимой в сорок третьем... Вам неприятно, что я это говорю? — вдруг спросил старик.

На этот раз я тоже ответил не сразу.

— Мой отец погиб под Сталинградом.

— Извините,— тихо сказал старый венец,— да, тогда... многие погибли. Это был какой-то кошмар... Настоящий ад... Мне и сейчас он снится. Трудно поверить... четыреста тысяч наших солдат... остались там... в русских снегах...

— Мой отец не просто воевал под Сталинградом. Он его защищал. А вас никто туда не звал.

— Вы правы, Павел, много раз правы. Но... вы не должны сердиться на меня. Сталинград многих изменил... И меня тоже... Я потерял там своего сына и еще многое другое... Я получил свое...

Старик долго молчал. Потом, достав из кармана куртки пачку «Кента», предложил мне.

Поблагодарив, я закурил и угостил старика своей «Примой».

— О, это русская махорка. Спасибо.— Он затянулся дымом и закашлялся.

— Очень крепкая. Давно не курил...— заговорил старик, смеясь и утирая слезы.— Да... русская махорка... крепкая... русская водка крепкая... русский мороз крепкий... русский солдат — крепкий солдат. В России все крепко. Так?

— Так...

— Ну а скажите, что вам у нас не понравилось?

— За две недели, по-моему, нельзя увидеть и понять целую страну. Да и приехали мы сюда не искать недостатки.

— Это так. Но все же на свежий взгляд что-то бросилось в глаза?

— Да. Фашистские свастики на стенах и заборах. Видно, есть еще у вас люди, которые забыли и Сталинград, и многое другое.

— Вы правы... Но их немного. Добрых людей у нас больше.

— Но ведь и у добрых людей должны быть крепкие кулаки. Так?

— Так-так,— закивал головой старик.

— Когда нам показывали Вену,— продолжал я,— нам никто не сказал, что своей жизнью она обязана советским солдатам. Правда, может быть, об этом нам просто забыли сказать.

— Такое не забывается. Нет, не забывается, Павел.

Старик помолчал, потом вдруг порывисто встал.

— Я хочу поговорить с вашими друзьями.

Ребята и девчонки с интересом смотрели на старика.

— Здравствуйте,— поприветствовал он всех,— я хочу немного вам сказать. Это можно?

— Можно, можно! — закричали ребята.

— Прошу извинить меня за мой плохой русский язык. Я давно не видел русских. Но сейчас я рад, что все же дождался этой встречи, потому что мне скоро восемьдесят лет. Меня зовут Пауль Зилер. Я на пенсии, но еще работаю сторожем стоянки авто. Я узнал, что

когда вам показывали Вену, то не все рассказали о ней...

Старик повернулся к нашему гиду и что-то сказал ей по-немецки. Та опустила голову и зачем-то стала рыться в своей сумочке.

— Вы сами видели, как прекрасна наша Вена, но вам не сказали, что в последнюю войну ее спасли русские солдаты... Много их погибло в боях за наш город. Его бомбили американцы, расстреливали немцы, и если бы не русские, мы не видели бы сегодня многих наших святынь... Я был... в России... в плена... Вернулся... мне рассказывали, что... когда пришли русские... они стали поднимать нашу Вену из руин, пускать фабрики и заводы... строить мосты и театры... Был голод, но венцы стали получать от русских пайки... Жена мне говорила: «Пауль, ты воевал против них, а они кормят твою семью...» Я сам знаю, какой был голод тогда в России, но она кормила пол-Европы... Этого забыть нельзя... Каждый честный венец об этом помнит... Я был под Сталинградом... Об этой войне... нельзя... вспоминать... без слез... Мне и ...сейчас трудно говорить... И мы... солдаты Сталинграда (он так и сказал: «мы... солдаты Сталинграда...») пискали тогда: если останемся жить, больше... никогда... не повернем винтовки... в сторону России... и так поступят наши дети.

Старик заметно волновался, говорил прерывисто:

— А сейчас... я прошу вас пойти со мной. Я хочу вам показать кое-что... Идемте, идемте. Здесь недалеко, а сюда мы еще вернемся.

Все поднялись и пошли за ним. Свернув за угол кафе, мы увидели стоянку автомашин. Между их рядов старик подвел нас к высокой бетонной стене, ограждающей площадку с одной стороны.

На высоте человеческого роста несмыываемой черной краской там была нарисована фашистская свастика, чем-то тщательно подскобленная.

А рядом... рядом чуть ли не по всю стену были выдолблены в бетоне огромные серп и молот. И не сотрешь их и не соскоблишь. Промазанные ярко-красной краской серп и молот сверкали и горели на солнце.

Мы долго глядели на родные нам символы, неожиданно увиденные здесь, в самом центре Вены, а потом стали аплодировать старику.

Каждый подходил и пожимал ему руку. Его синяя куртка скоро запестрела значками. Кто-то из девчонок повязал старому венцу на шею цветастый платок. А он стоял среди нас, счастливо улыбался и тихо говорил:

— Данке шен. Данке шен. Спасибо...

ТРУДНОСТИ

Кто бывал на встречах киноартистов со зрителями, тот, наверное, заметил, что они очень много говорят о трудностях своей профессии. Особенно о трудностях на съемках.

Трудно пилить и колоть дрова, трудно стирать белье и таскать воду с речки на коромысле, трудно вставать рано по утрам и еще много этих «трудно».

Как-то одна актриса рассказывала о том, как в деревне, где проходили съемки, крестьянка учila ее доить корову и как это было трудно и как долго у нее после этого болели руки. Она поведала об этом с юмором, и в зале все весело смеялись.

А я подумал: вот актриса единственный раз испытала на себе тяжесть деревенского труда, а как же та крестьянка, которой доить корову и вставать с петухами приходится ежедневно, и почему уважаемая актриса ничего об этом не сказала? Ведь сама крестьянка никогда не скажет, что ее труд тяжелый: в деревне о трудностях говорить не принято.

НА СТАНЦИИ

Темно-лиловая грозовая туча с лохматым нижним краем, сделав свое дело, уползала в сторону, глухо ворча и скалясь отблесками молний. В лесу сразу стало тихо. Только с листьев ивовых кустов у обочины проселочной дороги, как с мокрых маленьких ладоней, падали крупные капли дождя, звонко шлепаясь в мутные лужицы.

Тетка Наталья, маленькая сухонькая женщина в больших не по росту резиновых сапогах, с дерматиновой сумкой через плечо, из угла которой торчало горлышко бутылки, заткнутое пробкой из газеты,

вышла из-под большой старой ели, где пережидала грозу, и снова зашагала по размякшему от дождя песчаному проселку в сторону станции, до которой оставалось идти уже немного.

Скоро за поворотом, где начинаются искусственные лесные посадки, рядами идущие к самым рельсам, покажется зеленая будка переезда с полосатыми «журавлями» шлагбаумов. А там по шпалам до самой станции рукой подать.

Попутных машин по случаю выходного дня не было, и тетка Наталья все шестнадцать верст от самых Новоселок отмахала пешком. Она давно уже не ходила по этой с детства знакомой дороге в город, да и сегодня не решилась бы на такое путешествие, если бы не письмо от сына Сережки, который вот уже почти год служит в далеком сибирском городе. Сын писал в коротеньком письме, что служба у него «идет нормально», что служить осталось «всего четыреста сорок дней, или шестьдесят четыре раза сходить в баню». В конце письма Сережка просил о нем не беспокоиться и после приветов родным и знакомым приписал, что отпуск ему пока не предвидится и что об этом он сообщит отдельно.

Но главное, что заставило Наталью не знать с этой минуты покоя и повело в дальнюю дорогу, была вложенная в это письмо приписка. Сережка сообщал, что на днях он будет проезжать через их станцию в воинском эшелоне. По его подсчетам выходило, что это случится в воскресенье вечером. Зачем они едут и куда, сын, конечно, не сообщал и не просил ее выйти к поезду, но Наталья и представить себе не могла, что Сережка будет ехать мимо, совсем рядом с родным домом, а она его не увидит. На их большой, по представлению Натальи, станции Буяновке останавливались все поезда. Наталья знала это и, едва прочитав письмо, стала собираться в дорогу.

Она быстро затворила и поставила в печь опару, испекла для Сережки его любимых сдобных подорожников с румянной хрустящей корочкой. Потом она сварила мяса и налила в бутылку топленого молока. Все это тетка Наталья положила в старую, вытертую на сгибах дерматиновую сумку, которую закинула за плечо, и ранним воскресным утром отправилась в путь, наказав приглядеть за домом, огородом, курица-

ми и козой соседке Катерине Веселовой, она и в колхозную контору сходит. Жила Наталья в доме теперь совсем одна. С мужем разошлись, когда Сережке не было отроду и года...

...Большие электрические часы с прыгающей по кругу черной стрелкой показывали десять часов утра, когда тетка Наталья с трудом отворила тяжелую дверь здания станции и сразу же очутилась в беспокойной, шумной атмосфере зала ожидания. Какая-то полная женщина в сбитом на плечи цветастом платке, с растрепанными волосами и красным лицом, крепко сжимая в руках бумажки и деньги, у самых дверей чуть не сбила тетку Наталью с ног и, не оглядываясь, помчалась дальше. «Ошалела, что-ли? — подумала про себя Наталья, оглядывая помещение вокзала.— И куда их всех несет?»

Людей на вокзале, как всегда в эту летнюю пору, было много. Все куда-то торопились, громко разговаривали, шумели. Только милиционер, молодой высокий парень стоял неподвижно, как скала в бушующем море, и с равнодушным и спокойным лицом снисходительно смотрел на всю эту людскую суэту. К нему изредка обращались с вопросами, тогда он заметно оживлялся, лицо его менялось, становилось участливым и добрым, а потом снова принимало равнодушное выражение, лишь изредка скользил он бесстрастным взглядом по деревянным диванам, на которых сидела, разговаривала, пила и ела вся эта братия «граждан отъезжающих и провожающих».

Тетка Наталья, шаркая по полу резиновками, не смело подошла к справочному бюро и тихонько постучала в полукруг оконца. Створка, щелкнув, откинулась, и она увидела перед собой сидящую за столом молоденькую девчушку в форменном кителе с серебряными крыльышками на отвороте. Ее высокая прическа, похожая на сноп спелой ржи, была перевязана синей атласной лентой.

— Милая,— прильнула Наталья к самому стеклу,— дело-то у меня вот какое. Сын у меня в армии служит. Пишет, что проедет мимо нашей станции. Так мне бы вот и узнать, когда ждать-то.

И тетка Наталья с надеждой протянула в оконце письмо. Девушка быстро пробежала его глазами, чему-то усмехнулась и протянула листок обратно.

— Ничем вам помочь не могу. Мы таких справок не даем. Ваш сын следует воинским эшелоном, а когда он пройдет, мы не знаем, да если бы и знали, так говорить об этом не положено.

— Ну-ну, ладно,— согласно кивнула Наталья, пряча письмо в потайной карман синей куртки, и опять спросила.— А может, он сегодня, эшелон-то, прошел уже. Так мне, может, и ждать нечего.

— А вы спросите об этом лучше у дежурного по вокзалу,— посоветовала девушка и захлопнула дверцу.

Дежурным оказалась пожилая женщина в ярко-красной фуражке и с такими же яркими накрашенными губами.

— Пока не проходил при мне, не знаю. Ждите, может, и дождется. Только долго ждать придется,— ответила она Наталье, когда та обратилась к ней все с тем же вопросом.

— Это ничего, лишь бы только приехал,— успокоенно сказала Наталья и направилась с стоящему у окна дивану с вырезанными на спинке буквами «МПС».

Весь остаток дня и всю ночь провела тетка Наталья в ожидании и беспокойстве. Она выбегала на перрон к каждому поезду, подолгу смотрела в ту сторону, откуда должен прийти Сережкин эшелон, но там только светофоры мигали ей разноцветными холодными зрачками своих стеклянных глаз.

Длинно потянулся в ожидании и следующий день. Наталью знали уже все работники вокзала, которые давно советовали ей идти обратно домой: никому не известно, когда проследует эшелон, да и будет ли он на самом деле. Но Наталья ждала. О доме и о хозяйстве она не беспокоилась: Катерина управится. Им не впервые помогать друг дружке. Поэтому советы Наталья выслушивала, но продолжала выходить к каждому поезду, и всякий раз это был не ее поезд. Иные же проходили, не задерживаясь, мимо. И только далеко за полдень, когда утомившаяся Наталья ненадолго прикорнула в уголке дивана, ее тронула за плечо дежурная по вокзалу.

— Идет...— только и сказала она тетке Наталье, сочувственно поглядев на нее.

Наталья тихонько ойкнула, лицо ее оживилось, и

она торопливо поправила на голове платок. Так же торопливо она схватила сумку и побежала на перрон. Здесь пришлось ждать недолго. Скоро со стороны переезда, откуда пришла на станцию Наталья и куда уходили, будто по широкому лесному коридору, рельсы, показался поезд. Он становился все ближе и ближе, на глазах увеличиваясь и оглашая окрестность веселым шумом. Перед самой станцией поезд низко, протяжно гуднул и вот уже, обдав Наталью и всех, кто стоял на перроне, порывом ветра, почти не сбавляя скорости, понесся вдоль станции. Наталья растерянно смотрела на мелькающие перед ней вагоны, машины, платформы и ее неожиданно обожгла мысль, что поезд и не думает останавливаться.

— Мама-а-а!.. — услышала она вдруг сквозь грохот и лязг поезда голос сына и, повернув голову в сторону последних вагонов, увидела в дверях теплушке своего Сережку, совсем рядом, в двух метрах от себя.

Он стоял среди таких же, одинаково одетых ребят, но Наталья сразу узнала сына по лицу.

— Сынок! — почти закричала Наталья и вдруг побежала по перрону за поездом, не отрывая взгляда от сына.

А тот, улыбаясь, что-то кричал матери и махал ей зажатой в руке пилоткой.

— Батюшки, да что это?.. Батюшки, да что это?.. Господи!.. — причитала Наталья, маленькими шажками в больших резиновиках семеня по перрону и, видно, все еще веря в происходящее.

Добежав до края платформы, она бессильно опустилась на землю и заплакала...

Вчерашний милиционер подошел к тетке Наталье, взял ее сумку, заботливо помог ей подняться и как мог стал успокаивать ее.

— Господи,— твердила Наталья,— да как же это... Ведь все поезда раньше тут останавливались. Что же теперь-то?

— Эх, мать,— объяснил ей милиционер, ведя Наталью под руку по перрону.— Раньше здесь паровозы ходили да тепловозы, а теперь поезда идут на электротяге. Не каждый здесь теперь и стоит. Поняла?

Наталья согласно кивнула головой и остановилась против дверей вокзала, но в здание не пошла.

— А все-таки я не зря сходила-то. Не зря жда-

я,— неожиданно и как-то довольно вдруг заговорила тетка Наталья.— Я ведь Сережку сейчас видела. Я ведь сына встретила... Нет, не зря...

Она облегченно вздохнула, улыбнулась, поблагодарила милиционера, дежурную по вокзалу, оказавшуюся тут же, и пошла по шпалам в сторону переезда. В такт ее шагам покачивалась за спиной тетки Натальи старенькая, потертая дерматиновая сумка, из которой одиноко торчало горлышко бутылки, заткнутое пробкой из газеты.

КРАСНАЯ КРАСОТА

Однажды, зайдя в комиссионный магазин, я увидел среди прочих предметов, выставленных для продажи, висящие на крючках свадебные фаты невест и был удивлен этим. Мое удивление заметила молоденькая продавщица.

— А чему вы удивляетесь? — спокойно и даже равнодушно сказала она и посмотрела на меня как на человека, явившегося невесть откуда.— Нам давно уже фаты сдают. И чего в этом такого?

Я не разделил с милой продавщицей и будущей чьей-то невестой ее спокойствия и, поясняя свое удивление, поведал ей вот о чем.

...Издавна на Руси девушки носили на голове ленту — символ девичьей свободы или «волюшки вольной», как говорили в старину. Называлась она «красная красота». Замужеством «воля вольная» для девушки кончалась, и прощание с нею, всегда трогательное, полное светлой печали, постепенно превратилось в обряд, вернее, оно стало частью нашего национального свадебного обряда. Это было одновременно и расставание с красной красотой, ставшей теперь частью наряда одной только невесты. Ленту расшивали золотыми нитями или делали из парчи. Она считалась семейной реликвией и переходила по наследству из поколения в поколение.

Красную красоту невеста начинала носить за несколько дней до венчания, а утром в день свадьбы или накануне в дом к ней приходили подружки и будили ее причетами.

Невеста им отвечала:

Вам спасибо, мои подруженьки,
Разбудили да молодешеньку
И не забыли красну девушку.
Где-то ты есть, сестрица милая,
Потрудись, моя подруженька,
Подвязжи мне красну красоту,
Мине девичью волю вольную.
Мине надо, красной девице,
Расставаться с красной красотой.
Находитесь, резвы ноженьки.
Намаштесь, белы рученьки.
Накрасуйся, красна красота...

Младшая сестра невесты с причетом же повязывала ей ленту. Все девушки пели песни и причитали, после чего наступала минута прощания с красной красотой. Невеста вставала и начинала примерять ее подружкам, говоря при этом:

...Моя подружка да и кумушка,
Моя молодая ровесница,
Подойди, моя голубушка,
Ко мне да молодешеньке.
Ты возьми, моя голубушка,
Девичью красоту.
Ты носи, моя голубушка,
По средам носи, по пятницам,
По христовым воскресеньцам...
Мне недолго да красоватися
Во девичьей красной красоте,
Во девичьей воле вольной.
Я надену да красну красоту,
Что девичью да волю вольную
На свою миленьку да подруженьку.
Как надену я да красну красоту
Да на миленьку на сестрицу...

С этими словами невеста повязывала красную красоту своей младшей сестре, а если ее не было, то самой близкой своей подружке...

...Так было еще в начале нынешнего века в древнерусской земле Белозерья, где этот обряд записали братья Соколовы.

Значит, он не исчез вовсе. Его просто забыли. Вот я и подумал: а разве нынешний символ девичества — свадебную фату невесты обязательно нести в комиссионный магазин? Разве нельзя ее хранить в семье как фамильную реликвию и передавать ее по женской линии из поколения в поколение? Надо только вспомнить, что когда-то так и было.

ПУСТЬ ЖИВУТ

Мое родное село Борок, что стоит на берегах реки Тебзы, в прежние времена называлось Борком Железным и когда-то славилось своими домницами и кузницами, где варили и ковали самодельное железо. Но давно нет ни домниц ни кузниц. Исчезла с ними и часть названия села. А кузнец в селе остался всего один — мой дядя Семен Иванович Луговитин.

Проходила через село и Большая дорога в город, вдоль которой на целую версту растянулась главная улица. Но дорогу спрямили и теперь она проходит в стороне от села. Старую же дорогу перестали называть Большой, так же как и Большой мост через речку, который от старости развалился. Впрочем, на его месте построили новый бетонный и его пока никак не называют.

Вокруг села исчезают с лица земли деревни, вместе с ними уходят названия ручьев и полян, перелесков и луговин, холмов и озер — все, что жило с людьми целое тысячелетие. Остаются эти названия разве что только в памяти стариков. Но надолго ли?

Сыновья наши и внуки их и знать, наверное, не будут. Разве это справедливо?

Но я не дам им исчезнуть. Я соберу их и передам своему сыну как фамильную ценность, как реликвию нашего крестьянского рода. Пусть хранит. А еще я напишу о них в книге... Вот они — малые названия родных мест в нашем селе и его округе: Заручей, Нижний Конец, Остров, Верхний Конец, Старка (старая река), Большой омут, Сарычи, Турлыки, Полутово, Елово, Березово, Шабала, Бор, Коцынский ручей, Попова пропасть, Крутые берега, Пашма, Круговик, Зеленцыно, Лопата, Корнево, Лынгири, Вековская дорога, Панюшино, Федорково, Мутина поляна, Старая мельница...

Вот и написал... Пусть живут среди добрых людей. Пусть живут...

СОДЕРЖАНИЕ

Подобру да поздорову (повесть)	5
РАССКАЗЫ	
Бысшая мера	75
Десять на десять	83
ЗАРИСОВКИ	
Память сердца	88
У Старой мельницы	89
В кузнице	91
Дорога	92
Слезы	95
Тревога	96
В кино	98
Березы	99
Данке шен	—
Трудности	104
На станции	—
Красная красота	109
Пусть живут	111

Грязев Александр Алексеевич

ПОДОБРУ ДА ПОЗДОРОВУ

Редактор В. А. Беднов

Оформление художника Р. С. Климова

Художественный редактор В. С. Вежливцев

Технический редактор Н. Б. Буйновская

Корректоры Н. С. Дурасова, Н. К. Галкина,
В. А. Фокина

Сдано в набор 22.1981 г. Подписано в печать 1.4.1981 г. ГЕ04219
Форм. бум. 84×108₃₂ (бум. тип. № 1). Школьн. гарн. Высокая печать
Физ. печ. л. 3,5. Усл. печ. л. 5,88. Уч.-изд. л. 5,758. Тираж 15000. Заказ 783.
Цена 55 коп.

Северо-Западное книжное издательство,
Вологодское отделение, Вологда, Урицкого, 2
Областная типография, г. Вологда, ул. Челюскинцев, 3

55 коп.